

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

**Танцующая
на гребне волны**

Карен Уайт

Танцующая на гребне волны

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Танцующая на гребне волны / К. Уайт — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-92236-9

Ава Уэйлен всем сердцем любит Мэтью, но, поселившись после свадьбы в его доме на острове, осознает, что не так уж хорошо знает собственного мужа. Она находит в одной из комнат странные рисунки и заключает, что их автором была женщина. Но кем она приходилась Мэтью? Вскоре Ава вступает в местное Историческое общество, где ее втягивают в расследование, уходящее корнями в прошлое более чем на столетие. Какое же изумление постигает Аву, когда ей становится ясно, что она, Мэтью, загадочный автор рисунков и сестры-близнецы, жившие на острове более века назад, – это звенья одной цепи, лишь разорвав которую она сможет обрести покой.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92236-9

© Уайт К., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Карен Уайт

Танцующая на гребне волны

Karen White
SEA CHANGE

© Гюббенет И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моей бесценной Меган. Я горжусь быть твоей матерью.

Благодарности

Несмотря на долгие часы, которые я провожу в кресле за компьютером, творчество отнюдь не всегда предполагает одиночество. Каждая написанная мной книга во многом зависела от щедрости других людей, желавших поделиться своими знаниями, и «Преображение» не является в этом случае исключением.

Моя бесконечная благодарность Диане Вайз, доброму другу – она стала неоценимым источником информации о беременности и деторождении, – пожалуйста, никогда не оставляйте свою работу!

Спасибо всем обитателям острова Сент-Саймонс за неизменно теплый прием, особенно это Мэри Джейн Рид из замечательного книжного магазина «Форд», Томми Бакстер Кэшин и Сьюзен Киннамон-Брок, которые любезно согласились прочитать рукопись перед публикацией.

Как всегда, благодарю Венди Вэкс, Сьюзен Крэндолл, Тима, Миган и Коннора за их терпение и любовь, всегда знающих, когда мне бывают нужны реальные факты, чтобы меня стимулировать.

Даже времена года, сменяясь, образуют круг и всегда возвращаются туда, откуда они пришли. Человеческая жизнь есть круг от детства к детству, и так всегда и во всем, где действуют божественные силы.

Черный Лось, шаман индейского племени оглала

Пролог

Памела

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Сентябрь 1804

Шторма зашвыривают в нашу судьбу обрывки чужих жизней – в напоминание, что мы не одни и мы уязвимы. Вот и сейчас равнодушные волны совсем истерзали песчаный берег, разметав по нему множество разных предметов. На этот раз мои глаза выхватили среди кусков дерева чудом уцелевшую фарфоровую чашку и мужские часы – с крышкой и цепочкой, – они лежали на песке так наглядно и аккуратно, будто лавочник бережно и пристрастно разложил здесь свои товары. Чья-то потеря – моя находка, подумала я, осторожно водя пальцем по краешку чашки. Приливы сменяют отливы, и этот закон незыблем. А иногда концы и начала настолько близки, что, кажется, сливаются воедино, образуя волну, какие набегают одна за другой в океане.

Деревянные обломки, останки дома или корабля... В деревянных объятьях поблескивает металл. Я опасливо просунула руку меж двух досок. Пальцы коснулись чего-то твердого, маленького и холодного. Найдка была – золотое венчалное кольцо, потертое, с почти стершейся надписью на внутренней стороне. Кольцо слабо блеснуло в лучах тусклого солнца. Я прищурилась и разобрала надпись внутри. «Навсегда».

Я зажала кольцо в кулаке. Чье оно было? И как его занесло сюда? Но это все неспроста... Через три дня моя свадьба, если только Джеффри, занятый спасением того, что буря пощадила из его урожая хлопка, сумеет выкроить время. Я не была его первой избранницей, но он был моим первым любимым мужчиной, и я ощутила свою странную связь с этой женщиной, которой когда-то принадлежало кольцо... «Навсегда», – прочитала я снова.

Солнце отважно пыталось пробиться сквозь облака. Прищурившись, я следила за ним. Я знала, что оно победит – за штормами всегда приходят самые ясные дни. Последний шторм был невероятно сильным, настолько сильным, что поразил Брутон-Айленд, уничтожив там всех – и крошку Маргарет, которой только неделю назад я помогла появиться на свет. Меня терзали вопросы – и среди них более других тот, почему она была послана в этот мир на такое короткое время? Для чего пережила такие тяжкие родовые муки ее мать? Вынес ли кто-то урок из случившегося? О себе я такого сказать не могла. Я акушерка и приняла все как факт, но понять его я не в силах.

Пара черных ножеклювов пронеслась по белесому небу так близко к волне, что в поисках ужина они легко могли бы сами оказаться чьей-то добычей. Птицы вернулись. После шторма они всегда возвращаются, но в первые дни затишья не скажешь наверняка. Как приливы и отливы, они возвращались туда, откуда они улетали, верные нам, остающимся на одном месте. Я следила за тем, как они носятся над водной поверхностью, и слышала их голодные крики над пустынным песчаным берегом. Постояв так, я неторопливо пошла к дому, где жила с отцом и младшей сестрой. В руке я крепко сжимала кольцо, маленький золотой обруч без конца и начала – всегда ли они различимы?

Глава 1

*Антиох, Джорджия
Апрель 2011*

Я топталась возле родительского дома, даже сквозь кожаные подметки туфель ощущая жар разогревшегося на солнце асфальта. Дом был в колониальном стиле, и я прожила здесь большую часть своих тридцати четырех лет... Буйно цвели недотроги, предмет садовых усердий моей матушки. Погода не осмеливалась бросить ей вызов и заставить ее цветы завянуть – Глория Уэйлен управлялась с садом точно так же, как со своими пятью детьми, и неповиновение ей было такой же редкостью, как январский снег в Джорджии.

Капля пота скатилась у меня по спине. Мы с мужем мучились от жары, как будто это была не весна, а начало июля. Сквозь звон в ушах я силилась связно общаться с Мэтью, дескать, в западной Джорджии лето всегда такое, оно наступает внезапно, так что весна кажется прохладным вечером между зимой и серединой лета. Мэтью родом был с побережья, поэтому о жаре он кое-что знал, правда, влажной жаре.

Он держал меня за руку, а я стояла лицом к отцу и четверем моим братьям, в возрасте от пятидесяти пяти до сорока пяти лет, они выстроились как на прощальной церемонии или демонстрации силы чужаку, которого я избрала себе в мужа. Даже теперь, в этой домашней сцене, в них можно было узнать владельцев похоронного бюро, кем они, собственно, и являлись. Фирму «Уэйлен и сыновья» держали в семье моего отца уже три поколения, и серьезное, сосредоточенное выражение на всех пяти лицах было скорее генетически обусловленным, нежели принятым по соответствующему поведению.

Жены моих братьев и мои многочисленные племянники и племянницы, будто по негласному уговору, скрылись в доме, столпившись у двери в спальню моей матери – в знак сочувствия ей. Она не открывала эту дверь с момента моего прибытия сюда нынешним утром. Я побывала дома накануне, в день моей свадьбы, чтобы дать ей время освоиться с этой новой для нее ситуацией. Даже Пол Отри, с кем я была помолвлена четыре года, воспринял это известие легче.

Я отпустила руку Мэтью и обняла отца. На мгновение он прижал меня к себе – и тут же слегка отстранил. Я к этому привыкла. Несмотря на то что я была младшим ребенком в семье и единственной девочкой и знала, что мои родители надеялись родить дочь и очень ждали моего появления на свет, они, казалось, избегали крепко меня обнимать, опасаясь за хрупкость своего счастья. Быть может, они боялись, что судьба, подарившая им меня по своей прихоти, подстережет и – как знать? – отнимет у них меня.

– Может быть, я все же сумею поговорить с мамой? – спросила я. Впрочем, мне этого не хотелось. Просто очень неприятно оставлять между нами какую-то недоговоренность... Вот уж чего бы мне не хотелось, так это чтобы она думала, будто я нуждаюсь в ее одобрении! С возрастом я утратила подобную необходимость вместе со средствами от прыщей и исправляющими прикус коронками.

Отец отрицательно покачал головой:

– Дай ей время, Ава. Она примирится с этим. Для нее это был настоящий удар, как и для всех нас. Ты же знаешь, Глория не любит сюрпризов. Но с этим свыкнется.

Я не скрыла сомнения в справедливости его слов. Мать огорчилась, когда я сказала ей, что вышла замуж. Хотя она никогда не признавалась в этом, но я-то знала, что она вынашивала в мечтах мою пышную свадьбу у нее в саду, со всяческими украшениями, подобающими ее единственной дочери. Она слегка оттаяла, когда я сказала ей, что переезжаю жить на Сент-Саймонс. У нее были четыре невестки, жившие с нею поблизости, и они были не только готовы, но и стремились заботиться о ней как о главе семьи, кем она привыкла себя

считать. Всю свою жизнь я могла видеть из окна моей спальни три дома моих братьев – дома были совершенно одинаковые, за исключением разного цвета дверей, с аккуратными газонами и одинаковыми черными машинами у подъездов. Это всегда наводило меня на мысли – какой дом на этой улице станет когда-то моим? Такая мысль вызывала у меня кошмары похуже тех, что снились мне после того, как мой старший брат Стивен взял меня с собой в комнату для бальзамирования. Меня напугала тогда не холодная реальность смерти, но то, что я уже не буду жить прежней жизнью.

Я обошла моих братьев, выстроившихся по привычке по старшинству – от младшего к старшему – Дэвид, Джошуа, Марк и Стивен, – и обняла каждого. Мэтью следовал за мной, пожимая каждому руку. Напоследок он повернулся к моему отцу:

– Я буду очень о ней заботиться, сэр.

– Да уж, постарайся. Мы ее очень любим. – Испытывавший неловкость при всяком открытом выражении эмоций, отец прокашлялся.

В глазах у меня защипало. Я снова взглянула на братьев. Их лица выражали то же теплое чувство. Никогда еще я не чувствовала себя такой отдельной от них – одинокий одуванчик в окружении подсолнухов. Внезапно я усомнилась в своих основаниях их покинуть... Не было ли мое чувство к Мэтью лишь временным средством как-то смягчить постоянное беспокойство, преследовавшее меня с момента, как я стала задумываться об окружающем мире?

Я снова повернулась к отцу:

– Скажи маме, что я люблю ее и что я приеду, как только обоснуюсь на новом месте.

И начала болтать что-то, как я всегда это делала, чтобы не дать эмоциям выплеснуться наружу...

– Моя соседка по общежитию упакует мои вещи и пришлет их мне. Свою мебель я оставляю ей, и мы найдем кого-нибудь, кто бы перегнал мне машину. И Мэтью уверен, что я без труда найду себе там работу, с моим-то опытом и рекомендациями... Так что не тревожься, хорошо?

Почему я болтала и болтала о том, что было уже решено? Может быть, какая-то часть меня желала, чтобы он утратил самообладание и сказал мне, почему меня нужно было всегда держать на расстоянии?.. Быть может, я просто тянула время, ожидая, что мать выбежит, чтобы попрощаться со мной, и объяснит мне, почему после всех этих лет, когда она кормила, одевала меня и объясняла разницу между добром и злом, она может позволить мне уйти вот так... не простившись?..

Мэтью коснулся моей руки.

– Нам далеко ехать. Чтобы добраться до темноты, пора выезжать...

И мы пошли к машине. Вдруг кто-то окликнул меня. Я оглянулась. За нами спешила Мими, моя бабушка, мать моей матери. Она торопилась догнать нас, насколько ей позволяли ее девяносто лет и каблуки, пусть низкие, но она ни в какую не желала от них отказываться. Она держала что-то в руках. Я уже простилась с ней раньше, когда она стояла на страже у закрытой двери спальни своей дочери, и сейчас надеялась, что она принесет мне какие-то примирительные слова от мамы.

– Ава! – Мими запыхалась и тяжело дышала. Ее крашенные светлые волосы – как будто мы не подозревали, что она седая, – тонкими прядочками облепили ее виски и щеки. Мы выжидали, пока она переведет дух, и я смотрела на сокровище в ее руках, которое она держала, намереваясь передать его мне.

– Вот! Чуть не забыла! – Это была квадратная деревянная старомодная музыкальная шкатулка. Если ее открыть, можно было увидеть механизм внутри под стеклянной крышкой. Шкатулка эта видела виды, на ней были зазубринки и пятна от воды, но механизм был в

хорошем рабочем состоянии. Его починил мой брат Стивен, когда я нашла ее двадцать семь лет назад...

Секунду поколебавшись, я протянула руки, и она осторожно вложила в них шкатулку. Почему из всех вещей, что я оставляла здесь, это была единственная, которую она не позволила мне забыть?..

– Это чтобы напоминать тебе, – сказала она, поглаживая мои пальцы, когда я опустила их на крышку коробочки.

– Напоминать... о чем?

Глаза ее таинственно поблескивали, она была наполовину чероки, выросшая в горах Теннесси, не получившая образования, но самая умная женщина, какую я знала.

– О том, что некоторые концы на самом деле есть начала. Если ты забудешь все, чему я старалась тебя научить, помни хотя бы это.

Она обняла меня, и я ощутила знакомый запах талька и туалетной воды.

– Я запомню.

Она бросила на Мэтью взгляд, на мгновение показавшийся мне обвиняющим. Но снова заглянув ей в лицо, я его уже не обнаружила.

Мы простились, и, последний раз взглянув на дом, я уселась в серебристый седан и позволила Мэтью захлопнуть дверцу. Я не оглянулась на отца и братьев, поникших духом, стоявших, как чучела, которым не удалось спасти урожай, одинаково высоких, худощавых, с одинаковыми темными волосами, полностью соответствовавшими их строгим темным брюкам.

Я не оглянулась, потому что давным-давно Мими научила меня, что оглядываться – плохая примета: если оглянешься, это значит, что больше ты сюда не вернешься. Не то чтобы это место много для меня значило. Я всегда знала, что мне предстоит покинуть его, однако до сих пор не представляла себе, куда подамся. Полагаю, это была одна из причин, помешавшая мне назначить день свадьбы с Филом – во мне всегда подспудно жило какое-то постоянное беспокойство. Меня не оставляло чувство, будто меня ожидает где-то нечто большее. И встретив Мэтью, я вдруг почувствовала, что нашла наконец то, что искала.

Я сидела, откинувшись на сиденье, сжимая в руках маленькую музыкальную шкатулку, пока Мэтью не взял меня за руку. Он держал ее в своей руке, пока мы не доехали до другого конца штата, приближаясь к маленькому острову, где семья моего мужа жила еще со времен Войны за независимость.

Мэтью нежно потер родимое пятно у основания моего большого пальца, оно напоминало шрам. Мама говорила, что оно у меня от рождения, но я всегда предпочитала думать, что это правда шрам и что я получила его, совершая в детстве какой-то отважный поступок, даже, может быть, подвиг. Временами я желала, чтобы все шрамы, наносимые нам жизнью, были подобны этому – вроде медалей за пережитую боль, не оставившую следа в памяти.

Затем палец Мэтью коснулся колечка на безымянном пальце моей левой руки – и замер.

– А обручальное... ты его не надела... – сказал он. Не обвинил, констатировал.

Я опустила взгляд на свою руку, на прекрасное кольцо с бриллиантом. Я не собираюсь прятать его в шкатулке для драгоценностей. Я носила его три дня – время между нашей помолвкой и церемонией бракосочетания. Кольцо мне очень нравилось – его старинная оправка и отливающий голубизной камень. Но когда Мэтью надел мне на палец золотое венчальное кольцо, мне показалось как-то неправильно носить его рядом с другим кольцом. Я не могла этого объяснить и не могла придумать, как сказать Мэтью, что два кольца вызывают у меня такое чувство, будто я вхожу к себе в дом и нахожу всю мебель не на своем месте, сдвинутой.

– Прости, – сказала я. – Все время забываю. Но я знаю, я привыкну носить оба. Я обещаю.

Он кивнул и сосредоточился, обгоняя грузовик. Я посмотрела в окно, представляя себе нашу машину на карте. Мы двигались на восток, по направлению к океану. Я никогда не бывала на побережье. Моя семья, разросшаяся к тому времени, когда я стала ее членом, не имела времени для семейного отдыха на пляже. Когда друзья возвращались после летних каникул, загоревшие, с коллекциями ракушек, я не завидовала, втайне я была рада. В океане, с его беспредельностью, бьющейся о край земли, было что-то тревожащее. Мэтью обещал взять меня с собой поплавать на байдарке по бесконечным болотам его острова, но я только кивала уклончиво. Я была влюблена и не желала его разочаровывать, надеясь, что он поможет мне полюбить воду, как любит ее он.

Когда мы достигли Саванны, послеполуденное солнце заглядывало в машину, ласково убаюкивая меня. В полусне я ощутила знакомый запах и поняла, что Мэтью открыл окно. Легкий бриз доносил до меня аромат чего-то сладкого и вместе с тем пугающего.

По-прежнему в полусне, я хотела как-нибудь приподняться и получше принюхаться, но невидимая сила парализовала меня, я так и не выбралась из темного морока между сном и бодрствованием. Я слышала звуки радио – и голос Мэтью, негромко напевающего что-то. Но я слышала и еще кое-что – шум волн, набегающих на песок. Старый кошмар, поднявшийся откуда-то с периферии сознания, угрожал ввергнуть меня туда, куда я не желала, чтобы меня затянуло...

Музыкальная шкатулка соскользнула с моих колен на пол, онемевшие руки не смогли ее удержать. Я силилась открыть глаза, чтобы понять, чем это так пахнет, что на меня надвигается, но не смогла. Крышка шкатулки открылась, и послышалась знакомая песенка, ее звуки раздражающе дисгармонировали с порывами ветра. Я силилась слушать песенку, но завывание становилось все громче, я открыла глаза и поняла, что завывающий звук этот был – чей-то вопль. И этим кем-то была я.

Глава 2

Это началось летом, когда мне исполнилось семь лет. То было лето смерчей и штормов, воя сигнальных сирен и ночевок в подвале. А может быть, все началось много раньше, прежде чем я поняла смысл времени, его вращение в паутине часов, тогда, когда прошлое, настоящее и будущее еще нераздельны в сознании?

Однажды после моего дня рождения я стояла у дома и наблюдала, как в наш двор залетают обрывки чужих жизней. Большею частью это был мусор – газеты, фотографии, обломки мебели, такие мелкие, что нельзя было догадаться, части чего падают возле нашего дома. Но были среди общего хлама и несколько настоящих сокровищ. «Полароид» со снимками – он упал в мамин розарий. А в кустах под моим окном, словно в подарок мне, я нашла музыкальную шкатулку, мокрую, чуть побитую, однако вполне исправную.

Схватив шкатулку, я побежала показать ее матери и напеть мелодию, которая была мне знакома неизвестно откуда. Мама запела слова, которые пела мне, когда я была совсем маленькая. Это была старая колыбельная, и мама пела ее всем своим детям. Но что-то было не так... Или мне хотелось услышать при этом историю – а никакой истории не было. А может быть, слова, что пела мама, показались мне странными, и я, как мне думалось, могла вспомнить другие, если бы получше сосредоточилась... Но я так и не могу вспомнить никаких слов даже сейчас.

После этого и начались кошмары. Я видела во сне, что меня преследуют, и я задыхаюсь на бегу, что меня окружает и засасывает вглубь вода, а воздух выходит из моих легких маленькими пузырьками, которые всплывают на поверхность, в то время как я лежу на песчаном дне. В детстве такие сны бывали у меня редко, а лет с двадцати я их больше не видела. До сих пор.

Я прижалась головой к груди Мэтью, пытаюсь понять, что он мне говорит. Он свернул с дороги. Песок хрустел под колесами. Он обнял меня, и мы сообща пытались понять, что со мной происходит. И почему за два месяца со дня нашего знакомства я ни разу не упомянула ему о моих снах. Даже когда мы решили пожениться и жить на Сент-Саймонсе, я не рассказала ему о своей водобоязни. Может быть, это было потому, что в период нашего краткого романа у нас было много о чем говорить. А может быть, я надеялась, что мои сны и страхи остались в прошлом, вместе с потребностью доставлять родителям удовольствие.

– Со мной все в порядке, – сказала я, поднимая к губам бутылку с водой, которую он вложил в мою дрожащую руку. – Это просто... я не понимала, где я нахожусь. И я не могла шевельнуться, а окно было открыто и... – Что еще я могла ему сказать? Ничего другого я не могла сказать даже себе.

Он заговорил, и под своим ухом я слышала стук его сердца.

– Возможно, это запах от бумажной фабрики в Брунсвике. Теперь Агентство по охране окружающей среды изменило там некоторые порядки, и стало лучше. Но все же запах целлюлозы остался. Я уверен, тебе нужно просто привыкнуть к нему.

Я кивнула, изо всех сил надеясь, что он прав.

– Извини, – сказала я. И заглянула в его встревоженные глаза, стараясь его успокоить. – Я хочу поскорее домой. Начать нашу совместную жизнь.

Он наклонился и нежно поцеловал меня. Мы много еще чего не знали друг о друге, но та связь, какую я ощущала между нами, когда он целовал меня или прикасался ко мне, устраняла любые сомнения. Еще не зная его имени, я уже знала его, как новорожденный ребенок знает свою мать.

Он включил мотор, и мы выехали на обсаженную деревьями дорогу.

– Мы на пути в Демер, – сообщил он. – Сейчас доедем до маленького аэродрома и по развязке свернем налево на Фредерику. Эти две дороги и Си-Айленд-роуд – три главные магистрали на Сент-Саймонсе. Если ты сообразишь, где находишься относительно их, то никогда не заблудишься.

Я кивнула в попытке улыбнуться, но у меня свело мышцы лица. Что-то лишало меня беззаботности. Окна в машине были открыты, и можно было ощутить запах острова – причудливую смесь соли и здешней растительности. Запах был для меня новый, но при этом почему-то знакомый. Так в детстве я приноживалась к свеженатертым полам в первый день в школе после каникул. Запах острова возбуждал в моей памяти что-то глубоко в ней засевшее, от чего я никак не могла избавиться, как ни старалась, и это меня странно тревожило.

Я пыталась сосредоточиться на поворотах, чтобы запомнить, как мне одной найти свой дом, но мне это не удавалось. Чудесные деревья, поросшие испанским мхом, и даже расколотые ракушки на дорогах – все было для меня внове. И все же, как и запах в воздухе, это было что-то, что я как будто и ожидала увидеть здесь и услышать – и эти ракушки, и их хруст под колесами ближе к обочине... Я знала, каково это будет – ощущать в пальцах зеленый мох и как будет светить на закате солнце сквозь ветви... Загадочное, непонятное ощущение!

– У тебя это хорошо получилось, – сказала я, дотягиваясь до его руки и сплетая свои пальцы с его.

– Что у меня получилось?

– Рассказ об этих местах. Я чувствую, как будто я все это знаю, как будто жила здесь всю жизнь.

Он стиснул мне руку.

– Я люблю Сент-Саймонс и уверен, ты тоже его полюбишь. И будешь считать его своим домом.

Я улыбнулась и отвернулась к окну, надеясь, что он не заметил моего непродолжительного смятения и неотступного беспокойства, которое, как я думала, я преодолела, давая брачное обещание, но которое цеплялось и цеплялось ко мне – как паутина...

Справа слегка волновалось море золотистой и зеленой травы, как будто по нему шел кто-то невидимый. Я вздрогнула и закрыла глаза, уже откуда-то зная, что значит сделать шаг по болотной траве, слушая шорохи камышей. Запах гниющей растительности проникал в машину, и это заставляло меня почувствовать, будто я вернулась домой.

Мэтью сбавил скорость на повороте между двумя столбами с каменными ананасами на верхушках. Эту дорогу никто никогда не мостил. Она представляла собой океан белой пыли и разбитых ракушек в окружении густых зеленых ветвей, скрывающих закатное солнце. Ветви низко склонялись, будто хотели тебе что-то шепнуть.

Мы проехали еще немного, деревья поредели, уступая место кустарнику, как бы свидетельствуя этим свое почтение дому в конце подъездной аллеи. Я знала, что это была одна из немногих оставшихся на острове построек девятнадцатого века, но ее старина поразила меня, как и чувство чего-то знакомого, подогретое, я уверена, живыми описаниями Мэтью и его рассказами, как он жил здесь единственным ребенком в семье.

Мы вышли из машины и встали рядом, не касаясь друг друга, слушая пение цикад в окружающих нас деревьях. Смешанная с песком земля у меня под ногами, казалось, подозрительным образом заколебалась, и я схватила Мэтью за руку, почувствовав, что нуждаюсь в опоре.

Это был простой двухэтажный фермерский дом – на высоком фундаменте, с верандой на четырех колоннах и двумя каминными трубами по сторонам. Три мансардных окна над крышей веранды напоминали выпученные глаза. Что отличало этот дом от виденных мною ранее зданий того же периода – пестрота, местный строительный материал, включающий в равных частях известняк, воду, песок, устричные раковины и золу.

По сторонам дома и перед ним были разбиты клумбы – сейчас заброшенные, – а немного дальше, где подступал лес, было что-то вроде небольшого домика с одинокой каминной трубой. Он стоял почти на опушке, парадную дверь в нем заменяли деревянные щиты без ручек.

Решив, что попозже непременно здесь поброжу и все поразглядываю поподробнее, я снова повернулась к дому. Сероватый оттенок здания смягчал его очертания на фоне песчаной подъездной аллеи, делая его похожим на отбрасываемую дубами тень. Казалось, дом скрывался от времени, позволяя годам проходить мимо, не изменяя его, так же как колеблющийся болотную траву бриз позволяет ей вновь распрямиться.

Я глубоко вздохнула.

– Ты описал мне дом так хорошо, что мне кажется, я видела его фотографию. Я только не представляла себе, что он такой...

– Старый? – Мэтью рассмеялся, привлекая меня к себе. – Но уверяю тебя, жить здесь вполне возможно. Три года назад я пристроил кухню, ванную и чулан рядом с большой спальней. Это не дворец, разумеется, но я думаю, ты будешь здесь счастлива. – Он сжал руками мои щеки. – Я знаю, ты будешь здесь счастлива.

Тон его изменился, как будто он хотел уверить меня в этом, но я не поняла, кого из нас он старался уверить на самом деле.

Я поднялась на цыпочки и поцеловала его.

– Я буду счастлива. Мы будем счастливы.

В ответ он подхватил меня на руки, как будто я была невесома, и понес меня вверх по ступенькам. Повозившись с ключом и открыв дверь, он внес меня в дом и осторожно поставил на ноги. Как маленький мальчик, он с неуверенной улыбкой следил за моим лицом, пока я осматривалась в своем новом жилище. Я стояла в маленькой передней с высоким потолком с натертыми до блеска сосновыми половицами и узкой лестницей у стены с тяжелыми темными перилами, вытертыми за два столетия сотнями рук. Шагнув к лестнице, я коснулась перил и ощутила ладонью холодок гладкого дерева. И снова просквозило то же самое чувство чего-то очень знакомого – словно здесь меня ждали призраки прошлого.

Пепел. Несмотря на работающий кондиционер, я ощущала запах каминного пепла. Я взглянула на Мэтью и, увидев тревогу в его глазах, снова принудила себя улыбнуться.

– Это прекрасно, – сказала я, осматривая гостиную с диванчиками в стиле рококо и набивными обоями, перед тем как пройти в соседствующую с гостиной столовую. Стены там были темно-синие, ковер и портьеры в соответствующем стиле, мебель и все аксессуары – старинные, но на удивление очень удобные. На столе в хрустальной вазе стоял роскошный букет гортензий и гладиолусов. Их аромат не заглушал всепроникающего запаха пепла...

Миновав дверь налево, ведущую в буфетную и дальше в кухню, я прошла в помещение, очевидно, пристроенное позднее – уютный рабочий кабинет, разве что телевизор с широким экраном над встроенным книжным шкафом смотрелся не слишком уместно. Комната была отделана в мужском стиле, однако со вкусом. Но все же она показалась мне какой-то лишней, и я подумала, что большую часть времени буду проводить в гостиной.

– Так это и есть твое холостяцкое пристанище, – старательно улыбнулась я, недоумевая, почему он предпочитал жить здесь один, вместо того чтобы поселиться рядом с клиникой в Саванне, где он работал детским психологом. У него там была квартира, где он ночевал три своих рабочих дня в неделю. Но он всегда возвращался сюда, в Сент-Саймонс.

– Здесь мой дом, – ответил мне он, и его ответ прозвучал почти резко. Он сделал шаг ко мне. – Я потом покажу тебе весь дом, но сейчас я хочу показать тебе спальню.

Я засмеялась, увидев блеск в его глазах. Напряжение, сковавшее меня с того момента, как я коснулась перил, неожиданно ослабело.

Я уткнулась носом ему в шею.

– Только если ты обещаешь мне, что мы будем там совсем одни. – Я сказала это шутливо, но Мэтью слегка отпрянул, взгляд его темных глаз стал серьезным.

– Что ты хочешь этим сказать?

Моя улыбка исчезла.

– Я просто подумала, не водятся ли здесь привидения. Разве их не бывает во всех старых домах?

Тень скрыла его глаза, и на мгновение я не узнала того человека, который стал моим мужем.

– Привет!

Мы оба обернулись на женский голос и одновременный с приветствием стук в дверь. Маленькая изящная женщина лет около пятидесяти, с короткими кудрявыми каштановыми волосами стояла в дверях, улыбаясь. На ней были сандалии, брюки капри и блузка без рукавов – как мне говорили, местная униформа. Улыбка у нее была радостная, в руках она держала букет подсолнухов, завернутый в блестящую розовую бумагу.

– Дверь была нараспашку, – сообщила она, объясняя свое появление. Но у меня было такое чувство, что и закрытая дверь ее бы не остановила. Она подняла вверх букет.

– И я принесла еще цветов из «Вечных гвоздик», чтобы приветствовать молодых.

– Так называется цветочный магазин? – спросила я.

– Да, он прямо посередине деревни. – Она улыбнулась мне еще шире.

– Прелестные цветы! – вдохновенно воскликнула я. – Спасибо. – Я протянула ей руку. – Я – Ава Уэйлен. То есть Фразье. Я еще не привыкла к моей новой фамилии. – Я покраснела.

Мэтью взял у нее из рук цветы и поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, Тиш. – Он повернулся ко мне. – Это Тиш Райан. Она не только владеет и заведует цветочным магазином, но и управляет этим домом, не давая мне умереть с голоду.

Она опять улыбнулась мне. Ее карие глаза блестели.

– Хотя теперь, когда вы здесь, Ава, мы договоримся о каких-то новых условиях. Я знала родителей Мэтью и чувствую себя в какой-то мере ответственной за него. А вы знаете, каковы мужчины – они вроде бы совершенно теряются, если кто-то не поставит перед ними еду и не уложит в комод чистое белье.

– Можете мне поверить, я вас понимаю. У меня четверо братьев.

– Я знаю, – как ни в чем не бывало ответила Тиш.

Мы с Мэтью переглянулись. Увидев наше недоумение, она продолжала со смехом:

– Ничего таинственного! Мэтью сообщил мне вчера по электронной почте, что он приезжает сегодня с молодой женой и сказал мне, как вас зовут и откуда вы... ну... и я сообразила, что к чему. Ваш брат Стивен и я были женаты. Недолго, около двух месяцев, нам было тогда по восемнадцать лет. Вы тогда еще не родились. За годы мы потеряли всякую связь. Должна признаться, я удивилась, узнав, что у Уэйленов появился еще ребенок, но им всегда так хотелось девочку... Между вами, должно быть, лет девятнадцать разницы...

– Двадцать один год, – уточнила я. – Вот не знала, что он был женат когда-то давно...

– Неудивительно, что это забылось. Мы были совсем молодые, и брак наш продлился недолго. Ну, вы знаете, какие импульсивные бывают подростки...

Она улыбалась, а я не знала, что ей сказать. Я не знала, какие бывают подростки. Я росла в окружении взрослых, и у меня не было времени на подростковые мятежи. За исключением того, чтобы выбрать профессию, я всегда делала то, чего от меня ожидали, надеясь, что это заметит хоть кто-нибудь, кроме Мими.

Тиш поглядела на Мэтью, потом опять на меня, объединяя нас взглядом.

– Думаю, мне пора... Подробности вашего скоропалительного романа и свадьбы пока подождут, верно? Но я намерена собрать вечеринку, чтобы представить вас всем. Впрочем, это мы можем обсудить и попозже. Я хотела лишь убедиться, что свет горит и цветы в вазе,

но вы меня опередили. Да, в холодильнике салат и запеканка, а хлеб на столе. Я не знала, было ли у вас время остановиться в бакалее...

– Спасибо, Тиш, – сказал Мэтью, – не знаю, что бы я без тебя делал.

– Да, спасибо, – добавила я. – Я даже не знала бы, где здесь бакалея, не говоря уж о том, что готовить и как.

Тиш обнадеживающе улыбнулась:

– У вас еще будет много времени научиться тому и другому, а пока я могу помочь. Я запишу свое имя и номер в блокноте у телефона – звоните мне в любое время. – Она взялась за ручку двери, но обернулась: – Мэтью говорит, вы увлекаетесь историей?.. Я секретарь Исторического общества Сент-Саймонса и всегда рада новеньким. Это будет для вас прекрасный способ познакомиться с вашим новым домом, с историей семьи Мэтью. Она весьма увлекательна, и на ветвях фамильного дерева висят даже несколько скелетов... Они могут вас заинтересовать.

– Буду ждать с нетерпением, – сказала я почти искренне. Да, многого я не знала, но, может быть, уже знала все, что должна знать...

Перед тем как открыть дверь и выйти, Тиш бросила еще раз взгляд на Мэтью.

– О, пока я не забыла. Кем вы работаете, Ава? Я пишу блоги о происшествиях на острове и вокруг него в основном для местных. И включаю в список всех вновь прибывших и их профессию. О вас сразу узнают – не придется много времени тратить на знакомства и погружение в новую жизнь.

– Я акушерка. Надеюсь, без работы я тут не останусь... – Я улыбнулась особой улыбкой.

– Акушерка? – Тиш приподняла брови, а я удивилась, что не получила в ответ такой же улыбки, какая была у меня.

– Д-да, – кивнула я, не совсем понимая ее реакцию. – Теперь это популярная альтернатива принимающим роды врачам.

Она взяла меня за руку повыше локтя.

– Извините, не хотела вас обидеть. Я знаю про акушеров... Я пользовалась услугами одной с моим вторым ребенком. Я только... я удивилась, поскольку ведь и Адриенна... – Она махнула рукой. – Ладно, это не важно. – Она смахнула с лица остатки недоумения и улыбнулась мне вежливо и радушно, как принимают желанных гостей. – Очень приятно было с вами познакомиться, Ава. Очередное заседание Исторического общества – в последний четверг месяца, в семь часов. Я могу заехать за вами в половине седьмого, если хотите.

– Я... я, пожалуй...

Мэтью взялся за дверь.

– Она тебе позвонит и даст знать. Ей нужно время, чтобы освоиться здесь, прежде чем ввязываться в местную политику.

– А и правда... куда спешить? Ну, вы тогда позвоните мне, – завершила Тиш нашу беседу, уже спускаясь по ступенькам. – Но запишите дату у себя в календаре на всякий случай. – Помахав рукой, она устремилась к старинному автомобилю фургонного типа с закрепленными по его сторонам двумя деревянными панелями. Устричные раковины хрустели под подошвами ее сандалий.

Закрыв дверь, я обернулась – и оказалась в объятиях Мэтью. Он смотрел на меня, глаза его потемнели.

– Итак, на чем мы остановились?

Я прижала ладони к его груди, готовая предаться эмоциональному взрыву, которым обычно сопровождалось каждое его прикосновение. Но что-то сказанное Тиш остановило меня.

– Кто такая Адриенна? – не утерпела я и спросила.

Его отстранение было почти неуловимым, и я скорее почувствовала его, чем обнаружила. Так было с нами с момента нашей первой встречи. Мы были настолько настроены на одну волну, что казалось, что и кожа у нас была одна на двоих. Мэтью опустил руки и отступил, и мое тело внезапно похолодело.

– Она тоже была акушерка. – Он произнес эти четыре слова почти механически, как будто повторял их снова и снова, чтобы лишить их какого-нибудь эмоционального наполнения.

– Но кто она? – в полном недоумении спросила я. – Почему Тиш так удивилась, услышав, что обе мы – акушерки?

Он коснулся моего плеча, длинные ресницы скрывали его глаза. Он смотрел туда, где его рука дотронулась до моей блузки.

– Давай поговорим об этом завтра утром. Я не хочу, чтобы твоя первая ночь здесь была испорчена.

Я потерла руки у плеч, чувствуя ладонями гусиную кожу. Мне хотелось прижаться к Мэтью, раствориться в его объятиях, но меня как будто толкала чья-то невидимая рука.

– Нет. Я хочу знать сейчас. Кто такая Адриенна? – Я старалась внести в ситуацию юмор, которого я не чувствовала. – Твоя бывшая подруга?

Глаза – зеркало души, вспомнились мне слова Мими, когда я заглянула в глаза Мэтью. Это было первое, что я у него заметила, стоя рядом с ним на медицинской конференции в Атланте. Он подошел ко мне с какими-то словами, которые я сейчас забыла. Я взглянула в его темные глаза и почувствовала, как мое сердце сказала «да».

Но теперь их выражение было от меня скрыто. Я будто смотрела в глаза незнакомого мне человека. Таков он и есть, кричал мой рассудок. Но, как и всегда, когда дело касалось Мэтью, я отмела сомнения.

– Нет, – сказал он негромко. – Она была моя жена.

Памела

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Февраль 1805

Молодая женщина на грязном матрасе опять застонала. Крики ее стали слабее и более хриплыми, чем когда это началось четырнадцать часов назад. Набитый мхом матрас пропитался ее потом, маленькая комнатка наполнилась удушающей вонью. Пылающий огонь спасал от холода зимнего дня, но не мог избавить от охватившего меня холода при виде страданий будущей матери.

Я окунула чистую тряпку в миску с тепловатой водой и снова вытерла ей лоб, стараясь обеспечить ей единственное удобство, какое только могла. Ей было не больше девятнадцати, и она была такая тоненькая, что ее можно было принять за мальчика, если бы не возвышавшийся горой живот. Глаза ее открылись, и взгляд устремился мне в лицо с безмолвной мольбой. Я не могла предложить ей никакого утешения. Я отвернулась, снова окунула тряпку в воду и сделала служанке, Этте, знак согреть еще воды. Мой собственный ребенок шевельнулся во мне, напоминая о хрупкости жизни.

Оставив рожающую женщину с Эттой, я вышла в узкую переднюю, где зимний сумрак отбрасывал по стенам тени. Свечи не были зажжены, но скоро придется зажечь их, если нам предстоит подниматься по лестнице. Должно быть, зажигать огонь было обязанностью жены или служанки, поэтому не было света, чтобы одолеть мрак.

Мужчина, сидевший на стуле у двери, из которой я вышла, поднялся. Он стоял покачиваясь, и от него пахло ромом.

– Ребенок уже родился? – спросил он.

– Нет, – покачала я головой. – Возникли... осложнения.

Ударившись коленями об стул, он повалился на сиденье. Он не дал себе труда подняться вновь. Он смотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа на вопросы, которые он не умел задать.

– Ребенок идет ножками вперед. Я ждала как можно дольше, чтобы его повернуть, но он крупный, а Мэри маленькая. Я могу попытаться его повернуть. Это опасно и болезненно, но это, возможно, единственный выход.

Он смотрел на меня затуманившимися глазами.

– Это спасет их обоих?

Ребенок во мне снова шевельнулся, и я прижала руку к животу, чтобы его успокоить.

– Я постараюсь. Может быть, вы бы послали за кем-то, кто побыл бы здесь с вами. Может быть, ее мать или сестра...

– Никого нет. Все умерли от лихорадки прошлым летом. – Он снова поднес бутылку к губам и снова уставился в оцепенении в стену.

– Тогда вам лучше молиться.

Скользнув по мне взглядом, он снова взялся за бутылку. Все, что я могла видеть, была страдающая молодая женщина за дверью. Я вырвала из его слабой руки бутылку и швырнула ее об стену. Стекло разлетелось, как разбитые надежды. Вид у него был пораженный, но я знала, что в его состоянии он не сможет меня обидеть.

– Окажите почтение своей жене, сэр. Она умирает, стараясь произвести на свет вашего ребенка. Уважайте ее последние часы, хотя бы оставаясь трезвым.

Боль в левой руке отвлекла мое внимание от его медленно мигающих глаз. Осколок стекла размером с наперсток попал мне в основание большого пальца. Я сердито вырвала его и с удивлением наблюдала, как из глубокой раны струится кровь. Я оторвала полоску ткани от подола юбки и обернула ею руку, чтобы остановить кровотечение.

Вытерев фартуком руки, я медленно вернулась к роженице. Мой собственный ребенок был сейчас спокоен и не брыкался.

Домой я вернулась только на следующий день на закате. Спина и сердце у меня болели, конечности одеревенели от усталости. Фургон и лошадь я оставила перед домом, представив о них позаботиться Зевсу, а сама пошла разыскивать Джеффри. Он стоял на пристани, выходящей на Данбарский залив, где он сливался с рекой Фредерикой, наблюдая изумительной красоты закат. Мне всегда казалось, что закаты на Сент-Саймонсе были свидетельством того, что Господь не оставлял нас в нашем суровом краю, с лихорадкой, жарой и бурями, но при этом невыразимо прекрасном.

Джеффри обнял меня, вместе с нашим ребенком. Отец однажды сказал мне, что у индейцев Мокамы было сто слов, означавших «любовь», но, глядя в лицо мужу, я не могла представить себе, что их хватило бы, чтобы выразить мое чувство к нему.

Пальцами он провел по моим щекам, заглядывая мне в глаза с невысказанным вопросом.

– Мать умерла, но ребенка я все же спасла.

Я прижалась лбом к его груди, вспоминая, как я выкупала новорожденного и положила его в колыбель. Отец его был настолько подавлен горем, что не мог взять его на руки. Я приготовила к погребению мать и по возможности убралась в доме, оставив на огне баранье рагу. Я не докапывалась до причин своих побуждений. Скорее всего, пыталась возместить свою неудачу, наказывая себя за неспособность спасти обоих, мать и дитя. Я знала также, что и никто не был бы в состоянии это сделать. Оставив Этте наставления, как ухаживать за младенцем, я послала позвать священника. Я сделала все, что могла, и это было для меня самое тяжелое.

– Моя храбрая девочка, – сказал Джеффри, нежно меня целуя. В глазах его внезапно появилось ожесточение. – Никогда не оставляй меня, Памела. Никогда. Я не смог бы прожить и дня без тебя на этой земле.

Я коснулась его лица. Золотой обруч на пальце вдруг показался мне безмерно тяжелым. Я нашла это кольцо на берегу после шторма, и мы оба решили, что я могу по праву носить его. Я подняла руку.

– Навсегда, ты помнишь?

Он поднес мою руку к губам.

– Навсегда, – сказал он. Но под его убежденностью я ощущала и неуверенность.

Мы стояли друг подле друга, следя за тем, как огненный шар погружается в реку – как масло, тающее на сковороде. Ребенок во мне снова толкнулся, напоминая, насколько близка жизнь к смерти, а смерть к жизни.

Глава 3

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Апрель 2011

Я проснулась в постели одна, крахмальные простыни рядом со мной гладкие и не смятые. На мгновение, прежде чем я открыла глаза, я подумала, что Мэтью был рядом, ощущая за спиной знакомое присутствие. С самого раннего детства мне казалось, что у меня есть невидимая сестра, плод воображения одинокой маленькой девочки, росшей в окружении взрослых братьев. Мими называла ее моей воображаемой подругой, как называла ее моя мать, лучше не вспоминать. С возрастом я от нее отвлеклась, новые связи и карьера затмили мою потребность в невидимой подруге. Но я не забыла о ней полностью, вспоминая ее в минуты одиночества, неопределенную тень, обладающую способностью успокаивать и утешать.

Я села в постели. Тень исчезла. Я не знала, где спал Мэтью, я знала только, что он оставил меня одну в нашу первую ночь в этом доме. Слезы жгли мне глаза, когда я вспоминала наш спор и как я отказалась позволить ему прикоснуться ко мне, пока я не могла понять, почему он не сказал мне за короткое время нашего знакомства, что он уже был женат раньше. Мне не хотелось, чтобы в нашей семейной жизни были тайны. Я росла в мире взрослых, которые всегда понижали голос, заметив мое присутствие. Похоже было на то, что дом полон секретов, которые исчезали, едва на них взглянешь, но всегда таились где-то по углам. Я не хотела снова жить в таком доме.

Звуки моего нового дома окутывали меня, словно теплое одеяло, приветственные, но незнакомые и странные. Старый дом поскрипывал и потрескивал, каркали незнакомые птицы. Я скинула пуховое одеяло и какое-то время думала, жила ли Адриенна в этом доме, она ли выбирала оконные занавески и поливала в саду цветы. Ухватившись за мягкое одеяло, я подумала, спала ли она в этой кровати.

Я спустила с постели ноги, нащупала тапки и пошаркала к своему чемодану за чем-то подходящим в качестве халата. Все мои необходимые на каждый день вещи, включая махровый халат и майки, должны были быть доставлены мне по воде. Со мной были только непрактичные вещи для медового месяца – прозрачные шелковые ночные рубашки, короткие юбки и туфли на высоких каблуках.

В спальне не было встроенных шкафов, только огромный, под потолок, гардероб, между двумя окнами. Я открыла высоченную дверцу, с опозданием подумав, не оставил ли там Мэтью вещи Адриенны. Я вздохнула свободно, только увидев аккуратно развешанные внутри рубашки, тенниски, разного типа брюки – все исключительно мужские вещи. Там был его запах, запах свежей после душа кожи и одеколona. Я закрыла глаза и глубоко втянула в себя воздух, испытывая то же ощущение, какое я испытала, впервые его увидев. Потом я вспомнила про чулан около вновь пристроенной ванной, куда я не заглядывала, и сомнения снова нахлынули на меня.

Не желая столкнуться с возможностью увидеть одежду другой женщины в еще не обследованном мной чулане, я сняла с вешалки одну из рубашек Мэтью и накинула ее поверх коротенькой шелковой ночной сорочки, которую я надела накануне. Открыв дверь спальни, я почувствовала заманчивый аромат кофе и чего-то горячего и сладкого. Мой желудок заурчал, подталкивая меня к лестнице вниз – и неизбежной конфронтации.

Я стояла в кухне, где все было мрамор и нержавеющей сталь, а также и застекленные шкафчики и огромная деревянная мойка, придававшая современным предметам в двухсотлетнем доме не столь неуместный вид. На обшитой деревянными панелями стене, в две

трети их высоты, была небольшая полка, заполненная старинными тарелками. Под старинным столом и табуретками блеснул натертый сосновый пол, а над обеденным и кухонным столами висели старые люстры, несомненно, предназначенные для свечей. Плита с шестью горелками и двумя духовками была для повара, знающего, как разделять тесто, готовить суфле и выпекать воздушные пирожные. Но только не для меня.

Я взглянула на плиту, где на противне лежал обсыпанный орешками хлеб, от которого был отрезан один ломоть. Я заметила кофеварку, где стояла кружка, молочник и лежали пакетики с подсластителем. На керамической подставке лежала узорчатая серебряная ложка. Рядом стояли в хрустальной вазе цветы, которые принесла накануне Тиш, и их аромат смешивался с заманчивыми запахами кухни. Сливки и подсластитель были как раз те, какие я всегда употребляла, и сердце у меня снова сжалось, когда я подумала, что Мэтью звонил Тиш и просил ее приготовить все нужное для меня.

Я должна его увидеть, выяснить все между нами. Я приготовила себе чашку кофе и отправилась на поиски мужа. Я постояла в дверях кухни, слыша только тиканье часов. Этот звук всегда меня волновал, напоминая о неизбежном ходе времени. Я не окликнула Мэтью, зная, что в доме его нет.

Я выглянула из кухни во двор. Задний двор походил на парадный. Низкорослая трава и песок постепенно уступали место густому кустарнику и деревьям. Маленькое строение, замеченное мною накануне вечером, было справа от меня и выглядело все таким же заброшенным и унылым.

Вокруг жужжали комары. Они вились над моей обнаженной кожей, но не садились. Меня это не беспокоило. Я была одной из тех счастливиц, кого комары не трогают. Отхлебнув кофе, я осматривала сад. Влажность нависала в воздухе как мокрая вуаль, и я почувствовала, как мои тщательно расчесанные волосы закручиваются в завитки.

Тропинка вела из сада в лес, и я пошла по ней, как будто кто-то дергал меня за веревочку в нужном направлении, как птиц тянет на юг. Я заметила солнце, отражавшееся в воде среди деревьев еще до того, как увидела залив и пристань с ведущими к ней деревянными ступеньками. У перил друг против друга стояли две деревянные скамьи.

Я могла представить себе Мэтью маленьким мальчиком, сидящим там с удочкой и глядящим на солнечную рябь на воде, как он сидел там и сейчас. Солнце золотило его темные волосы, и у меня образовался ком в горле при виде того, как он опустил голову, словно в глубокой задумчивости.

Я не шевельнулась, но он повернулся, и наши взгляды встретились. Он встал. Я быстро спустилась по ступеням и пошатнулась, когда пристань слегка закачалась. Я медленно прошла по доскам, стараясь держаться подальше от края и избегая смотреть на воду. Сделав еще несколько шагов, я остановилась перед ним. Я так и вышла из кухни с кружкой и теперь держала ее так, чтобы она была между нами, дабы не простить его, прежде чем у меня не будет для этого оснований.

В кружке появилось искаженное отражение моего лица, когда я наклонила ее, чтобы сделать плоток уже остывшей жидкости. Все еще держа между нами кружку в качестве разделителя, я сказала:

– Я не хочу лицемерить, и поэтому я скажу тебе все, о чем я боялась заговорить.

Он ничего не ответил, но мне показалось, что глаза его потемнели, как это всегда бывало, когда он задумывался.

Я судорожно глотнула.

– Я боюсь воды. – Я по-прежнему не сводила глаз с кружки, изо всех сил стараясь не замечать плеска воды, когда птицы или рыбы тревожили ее гладь в поисках пищи. – Больше всего я боюсь океана, но и любого обширного водного пространства тоже... – Я помолчала. –

Этот страх вызывает у меня кошмары, – смело продолжила я. – Вроде того, что привиделся мне вчера в машине. – Я подняла глаза, боясь того, что я могу в них увидеть.

Выражение лица Мэтью смягчилось.

– А я-то привез тебя жить на остров! И даже не оставил тебе выбора.

Я встретила с ним взглядом.

– Я сделала свой выбор. Я хотела быть с тобой. Это все, что имело значение. Я надеюсь, что со временем... мне как-то удастся это преодолеть.

Он взял из моей руки кружку, поставил ее на скамейку и привлек меня к себе так легко, словно бы ожидая, что я захочу высвободиться.

– По работе я имею дело с детскими страхами, так что хорошо понимаю, что твое восприятие воды не есть что-то, что ты сможешь преодолеть самостоятельно. И я не ожидаю этого. Но я сумел бы тебе помочь, если ты мне позволишь.

– Ты уже помог мне, – прошептала я и остановилась, еще не готовая сказать ему, что поняла это с момента нашей встречи. После первого поцелуя, в котором я почувствовала соленый вкус океана.

Шум мотора, вначале не громче пчелиного гуда, становился все сильнее, и вскоре я увидела лодку – маленькая, она двигалась в океан из залива. Об Атлантике я старалась не думать, как не думать о том, что соленая вода у меня под ногами была та же самая, что омывала берега всего острова. Волнение усилилось, пристань стала покачиваться. Я закрыла глаза и зарылась лицом на груди Мэтью, обняв его.

– Уйдем отсюда, – предложил он, побуждая меня сдвинуться с места.

Я осталась на месте и отрицательно покачала головой, все еще чувствуя движение волн, но обретая поддержку в объятиях Мэтью.

– Я хочу знать об Адриенне.

Мышцы на его спине напряглись. Я не отступила. Я взяла его за руки и повела к скамье, где осторожно села на краешек, подальше от воды, крепко сжимая его руки.

– Что ты хочешь знать?

Я откашлялась, стараясь отнестись к этой ситуации так же, как отнеслась бы к проблеме, возникшей во время родов, или к каким-то другим обстоятельствам, когда я не могла позволить себе поддаться эмоциям. Поэтому я и была хорошей акушеркой.

– Долго ты был женат?

– Пять лет. Пять лет, три месяца и шесть дней.

Такого точного ответа я не ожидала – как будто каждый день настолько был ему дорог, что его стоило держать на особом счету. Но он женился на Адриенне и любил ее. Зная, что значит быть любимой Мэтью Фразье, я ощущала своим встревоженным сердцем, что он любил ее и дорожил их совместной жизнью. Все это было когда-то.

Я смотрела в сторону, не в состоянии встретиться с ним взглядом.

– Что случилось?

– Она умерла.

Что угодно я ожидала услышать, но только не это...

– Как?

Он опустил глаза на наши сплетенные руки. Его большой палец нежно гладил родимое пятно у основания моего большого пальца.

– Четыре года назад в автомобильной катастрофе. В машине она была одна, и я узнал о ее смерти только на следующий день.

– Мне так жаль, – сказала я и только потом осознала, насколько глупыми были мои слова. И насколько неискренними. Потому что Адриенна умерла, Мэтью был сейчас мой. Я цеплялась за эту эгоистичную мысль как за тлеющий уголь, освещающий темноту, но в любую минуту готовый воспламенить все вокруг.

– Мы поженились очень уж молодыми. Я только что отпраздновал окончание колледжа, а она работала в баре в Саванне – тогда она еще не была акушеркой. Но я дружил с ее старшим братом, и так мы с ней познакомились. – Он пожал плечами, как будто одно это движение объясняло все, что случилось после этой встречи в баре.

– Она была из Саванны?

Он отрицательно покачал головой.

– Она отсюда, хотя училась в Атланте. У нее были немолодые родители. Они взяли на воспитание Адриенну и Джона – из разных семей, – когда им было за сорок. Они еще живут на острове, хотя ее брат живет неподалеку на Джекилл Айленд. Я редко их вижу. – Рот его сжался в твердую линию.

Раз начав, я уже не могла отступить.

– А почему?

Крупная элегантная птица с сине-белыми перьями, на длинных тонких ногах, опустилась в болотную траву у берега. Она стояла неподвижно, казалось, измеряя расстояние до нас и до своей жертвы.

– Потому что они думают, что я ее убил.

Вода закачалась у меня под ногами, я чуть не упала. Как будто почувствовав изменение настроения, большая птица поднялась в воздух, оставив после себя влажный плеск и рябь на воде.

– Это, конечно, неправда, – сказала я, прежде чем муж мой успел произнести хоть слово. Если нам суждено было спасти что-то в этой беседе, я должна была проговорить это первой.

– Разумеется, нет, – уронил он, но какая-то неприятная тревога снова охватила меня, так мелкий камешек, попавший в туфлю, создает дискомфорт. – Это был несчастный случай, но когда люди скорбят, они пытаются найти причину случившегося или обвинить кого-то в том, чего избежать было нельзя.

– Поэтому ты мне и не рассказал?

– Главным образом поэтому, – медленно отвечал он, касаясь большим пальцем моего венчального кольца, прежде чем поднять голову и встретиться со мной взглядом. – Но также и потому, что это часть моего прошлого, куда я не хочу возвращаться.

При ярком солнечном свете я могла увидеть в его темных глазах золотистые искорки. Я не узнавала его глаза. Они были совсем другие, как будто глаза незнакомого мне человека.

– Ты все еще ее любишь?

Голос у меня задрожал, и он, должно быть, это услышал. Он обхватил руками мою голову. Его чужие глаза искали мой взгляд.

– Я люблю тебя, Ава. Как будто я всегда любил тебя, еще до встречи с тобой. Ты можешь это понять?

Навсегда. Это слово возникло у меня в сознании как пятно солнечного света на воде, колеблющееся на поверхности, пока солнце не скроется за набежавшим облаком.

– Да, – сказала я. – И у меня такое же чувство.

Он прижался лбом к моему лбу.

– Прости, – сказал он. – Я не хочу, чтобы между нами были какие-то тайны.

В ответ я поцеловала его, не в состоянии произнести слов, которые открыли бы ему мое душевное смятение при мысли, как легкомысленно и беззаботно мы скрывали часть себя друг от друга и как тайны могут отбрасывать свои тени долгое время спустя после того, как стала известна правда.

Я окинула грустным взглядом бедлам в своей новой кухне. Кастрюли, миски, разнокалиберная кухонная посуда и утварь громоздились повсюду, не оставляя свободного гори-

зонтального пространства даже для маленькой формочки. Я размышляла, смогу ли спасти остатки бананового пирога, соскоблив подгоревшую его часть, или он бесславно отправится в контейнер с пищевыми отходами, как я услышала стук в парадную дверь.

С облегчением найдя предлог покинуть поле гастрономической брани, я поспешно сполоснула руки в мойке и пошла открывать дверь. Там стояла улыбающаяся Тиш, прижимая к груди на сей раз не будет цветов, а необъятное количество пластиковых пакетов из бакалеи.

– Я принесла вам продукты, – с улыбкой сообщила она. – Я была в магазине и сообразила, что Мэтью сегодня работает, а у вас нет машины. Надеюсь, вы не будете против?

Я бросилась облегчать ее ношу, прежде чем она переступит порог дома.

– Конечно нет. Я очень вам благодарна. Мою машину пригонят только на следующей неделе. Я договорилась об этом с одной своей доброй знакомой, но она сможет это сделать не раньше, так как занята на работе. Поэтому сейчас я привязана к дому. Мэтью сказал, что он не останется ночевать в Саванне, как он это обычно делает, и приедет домой. Но я чувствую себя виноватой – слишком много для него разездов за один день! – меня было просто не остановить, поток слов из меня так и лился, компенсируя вынужденно молчаливую сосредоточенность на сотворении пирога.

Тиш вошла за мной в кухню.

– Не думаю, чтобы он возражал против возможности вернуться к своей молодой жене. Он, наверное, и пешком бы пришел, не будь у него машины.

Я покраснела, начиная доставать из пакетов молоко, салат, куриные окорочка, пару стейков и множество фруктов и овощей. Я была немного разочарована, что там не было никаких замороженных продуктов. Тиш начала сворачивать пустые пакеты.

– Когда вы начнете работать, вы сможете ездить в Саванну вместе и даже оставаться там ночевать, если у вас будут совпадать часы работы.

– Я вижу, вы обдумали мою карьеру так же, как и мои обеды, – засмеялась я.

Она нахмурилась.

– Извините. Я старалась помочь, не вмешиваясь не в свое дело. Но мне это сложно, потому что мы практически одна семья. Это просто... – она замолчала, как будто взвешивая, что еще следует ей сказать. – Дело в том, – продолжала она, – что Адриенна работала в том же Центре семейного здоровья, что и Мэтью, поэтому я предположила...

Почувствовав внезапную усталость, я оперлась на стол.

– Они работали вместе?

– Да. Он – детский психолог, а она – акушерка. В клинике есть гинекологи, там есть и педиатр для детей всех возрастов. Им имело смысл работать вместе. Поэтому я подумала, что раз вы тоже акушерка...

Не закончив фразы, она остановила на мне взгляд.

– В чем дело?

Пальцы, которые мне удалось сполоснуть кое-как, слиплись, и я пыталась очистить их от муки, смешанной с маслом.

– Вам не кажется странным, что... что Мэтью снова женился на акушерке? Ведь это не самая распространенная профессия.

– Это странно, если подумать. Ведь это он направил Адриенну на курсы сразу после окончания школы, поскольку у нее не было определенной тяги к какой-то работе. Но она была вполне компетентная акушерка.

Тиш остановилась, как бы почувствовав, что наговорила лишнего.

– Только компетентная? – подхватила я.

Тиш покачала головой, словно оправдываясь, что нарушила свое обещание не вмешиваться.

– Не думаю, чтобы ее это очень уж увлекало, – быстро проговорила она.

Наши взгляды встретились. Я ожидала, что она скажет еще что-нибудь. Но она промолчала.

– Вряд ли я буду искать место здесь или в Саванне. Я еще не решила, – сказала я, выпрямившись. – Не хотите ли чаю? – спросила я, с усилием улыбаясь. – Я собиралась налить себе чашку... а потом намеревалась затеять уборку.

– С удовольствием, – отвечала она, подойдя к холодильнику и начиная раскладывать там продукты. – И вы расскажете мне, какими талантами вы обладаете, поскольку это явно не кулинария.

Я засмеялась, убирая волосы с потного лба, забыв при этом, что руки у меня местами в тесте.

– В кулинарии я не сильна, зато сильна в садоводстве. Вероятно, Адриенна была замечательной кулинаркой, судя по ее кухне, – добавила я непринужденно. – Только не говорите мне, что она была и отличной садовницей.

Выражение лица Тиш смягчилось.

– Она любила цветы. И чем они ярче, тем больше.

Моя улыбка погасла.

– Я другого рода садовод. Я люблю выращивать полезные вещи – фрукты, овощи. Все в таком роде. – Я с опозданием вспомнила, что она – владелица цветочного магазина и могла считать мои слова оскорбительными.

Она добродушно засмеялась.

– Хорошо. Мы прекрасно поладим – я буду приносить вам цветы, а вы мне – помидоры.

– Договорились, – кивнула я, поскорее пряча противень с пригоревшим тестом в мойку, где, я надеялась, Тиш его не заметит.

Тиш наклонилась над полкой холодильника, и голос ее прозвучал глухо.

– Вам, наверное, нужно знать, что Адриенна была прекрасной художницей – рисовала остров много раз и приобрела известность. – Тиш закрыла дверцу холодильника. – набросок дома углем, что висит в гостиной, это ее работа.

Я выключила кран, почувствовав себя внезапно совершенно опустошенной.

Она, видимо, что-то заметила в моем выражении, потому что взяла меня за руку и подвела к столу.

– Почему вы не присядете и не позволите мне заняться чаем? Я знаю, где что лежит, а вам, по-моему, нужно отдохнуть.

Я наблюдала за тем, как она налила чайник и поставила его на плиту. Ненужные вопросы теснились в моем мозгу. Я взяла кружку с горячим чаем и сосредоточенно насыпала туда сахарного песка из стоявшей на столе сахарницы. Голубая керамическая сахарница мне не нравилась, я дала себе слово ее заменить. Я сделала медленный глоток, отыскивая подходящие слова.

– Вчера вечером вы упомянули что-то о местной истории и фамильном древе Мэтью, и о свисающих с дерева скелетах. Что вы имели в виду? Смерть Адриенны?

Тиш отпила глоток из своей кружки и покачала головой.

– Нет. Конечно нет. Смерть Адриенны – это несчастный случай – трагедия, да, но не скелет. Я имела в виду его прародительницу, жившую здесь более двухсот лет назад.

В моей семье, для которой смерть была бизнесом, редко говорили о нашем фамильном древе, словно чтобы подчеркнуть конечность каждого поколения. Мои родители были единственными детьми у своих родителей и поэтому, кроме бабушки со стороны матери, я больше никого не знала. Казалось, что Уэйлены сходили на нет с каждым поколением, освобождая место для следующего. Услышав, что фамильное древо моего мужа было развесистое и давнего происхождения, я была заинтригована.

Я подула в кружку и отпила еще глоток. Кажется, я слишком много бухнула сахару в чай. Видимо, на нервной почве.

– Стало быть, семья Мэтью живет на острове уже два столетия?

– Да. Они не были крупными землевладельцами, как Куперы из Кэннонз Пойнта или Батлеры из Хэмптона, но они были уважаемые фермеры. У каждого из них какое-то время было по нескольку акров хлопка. По крайней мере, до начала восемнадцатого века.

Я наклонилась к ней с любопытством.

– Так что же там была за легенда?

Глаза у Тиш расширились, и я узнала в ней родственную душу, для которой события прошлого были интереснее настоящего.

– Прапрапрабабушку Мэтью считали предательницей, изменившей своей стране во время британской оккупации в тысяча восемьсот двенадцатом году. Она якобы влюбилась в королевского морского пехотинца, и, когда они ушли отсюда, она ушла с ними, оставив мужа и маленького сына.

– Ужасно... – вырвалось у меня. Чай вдруг показался мне горьким, в горле у меня образовался ком, и появилось желание заплакать. – Это только слухи или есть какие-то фактические основания?

– Понемногу того и другого, – улыбнулась она. – Может быть, это будет ваш первый проект в Историческом обществе. Хотя... – Тиш встала и подошла к мойке сполоснуть кружку.

– Хотя что?

Стоя ко мне спиной, она поставила кружку в посудомоечную машину.

– Адриенна просто помешалась на этой истории. Говорят, что муж этой женщины умер от разбитого сердца и что его призрак можно увидеть на пляже после шторма, он ходит там и зовет жену. Адриенна находила это весьма романтичным. Мэтью думал, что все это очень грустно и не стоит об этом и вспоминать. – Тиш взглянула на меня исподлобья. – Вы, очевидно, женщина свободомыслящая и можете сами решать. Но, как я уже сказала, вам может быть интересно для начала узнать о вашем доме и о семье, в которую вы вошли.

Я кивнула, стараясь ей улыбаться как можно более непринужденно. Надо же стряхнуть с себя это печальное облако!.. Хорошенькое начало супружества!

Тиш взяла сумку, которую она, придя, повесила на спинку стула.

– Мне пора в магазин. У нас в субботу свадьба, и невеста никак не может выбрать подружкам букеты... Пойду разбираться! Так я заеду за вами в половине седьмого в четверг? Я обычно опаздываю, так что я вам только посигналю с дороги.

Я не помню, чтобы пообещала ей, что пойду на собрание, но она, по-видимому, уже все за меня решила. Я подумала о теперешней жене моего брата Стивена, сдержанной и робкой Мэри Джейн, и поняла, почему брак его с Тиш оказался таким скоротечным.

– Хорошо, – ответила я покладисто. – Я буду готова.

Я проводила ее до двери, и мы попрощались. У меня так и стоял перед глазами тот призрак с пляжа, который столько лет звал жену и просил вернуться. Я представляла его себе стоящим у ленты прибой, и меня бросало в дрожь. Я, казалось, чувствовала холод волн и их шум... Накат за накатом... Плеск... Крик... Нет, надо чем-то себя отвлечь. Что за фантазии я тут рисую себе! Я оглянулась вокруг. Взгляд мой упал на мобильный телефон на столике.

Не успев еще отговорить себя от этой мысли, я быстро нажала кнопку. Было четыре звонка, прежде чем мама ответила. Будь у нее мобильник или опознаватель номеров на домашнем телефоне, я могла бы обвинить ее в том, что она не приняла мой звонок. Но она терпеть не могла любых телефонов, ожидая от них только плохих известий.

– Алло?

– Мама – это Ава.

Короткая пауза.

– Я так и думала, что это ты.

Она больше ничего не сказала, и я продолжила:

– Мы вчера добрались сюда благополучно. У Мэтью очень красивый дом. Он очень старый и построен из...

– Я знаю, – прервала меня мама. – Мы жили на Сент-Саймонсе до твоего рождения, ты помнишь?

Прежде чем дать ей возможность снова напустить на меня за то, что я перебралась в другой конец штата, я начала болтать о чем попало.

– Ты когда-нибудь слышала легенду о предке Мэтью, взывающем к своей жене на берегу? – спросила вдруг я неожиданно сама для себя.

На это она ответила не сразу.

– Я не припоминаю.

Я осмотрела гостиную, пока мой взгляд не уперся в набросок углем дома Мэтью в рамке.

– Ты веришь в привидения? – спросила я.

– Возвращайся домой, Ава. Мне неприятно думать, что ты так близко к воде. – Голос ее звучал напряженно.

Я отвернулась от рисунка.

– Что ты хочешь сказать?

– Вода пугала тебя с младенчества. Тебя и в корыте-то было почти невозможно выкупать. Мне приходилось просить Мими помочь мне, чтобы обтереть тебя губкой в кухне под краном. Я думала, у тебя это прошло с возрастом, но сейчас меня это беспокоит. Сейчас, когда ты живешь так близко от океана...

Я подумала было, не рассказать ли ей, что произошло, когда мы переезжали на остров по дамбе, о моем старом кошмаре, но предпочла промолчать. Зачем тревожить ее? В этом не было необходимости.

– Я думаю, я буду здесь счастлива, мама.

На этот раз она не задержалась с ответом.

– Не знаю, как это может быть. Ты не любишь воду.

– Здесь Мэтью. Мое место рядом с ним.

– Ну, раз так... Это твое решение, и тебе с ним жить.

Голос ее дрогнул, и я подумала, не плачет ли она, но такой образ не вязался с тем, какой я знала.

– Ты здесь жила, мама. Здесь родились четверо твоих детей. Разве ты не помнишь, как здесь красиво?

На этот раз пауза затянулась настолько, что на мгновение я подумала, что она повесила трубку. Наконец она заговорила:

– Все, что я помню, это шторма. Океан наступает на берег и словно хочет его проглотить. Поэтому мы и уехали оттуда. Мы не хотели жить там, где мы могли потерять все, чем дорожили.

Моя тревога вернулась, на этот раз смешанная с нетерпением.

– Мне пора, мама. Мне еще нужно разложить вещи. – Я помолчала, ощущая потребность в детстве, которого у меня не было; в том, что могло бы быть моим, но было не для меня. Стиснув в руке телефон, я прошептала:

– Я люблю тебя, мама.

– Я знаю, Ава, – отвечала она после короткой паузы, когда я слушала ее дыхание. – Мне нужно идти, – вдруг сказала она.

– Хорошо. Передай привет Мими и всем.

– Передам. До свидания, Ава, – донеслось до меня. И она положила трубку.

Я долго держала в руке телефон, словно ждала от него чего-то еще, каких-то еще маминых слов. Почему она не ответила на мой вопрос о призраке, зовущем свою жену?

Глава 4

Глория

Антиох, Джорджия

Апрель 2011

Хорошая мать любит всех своих детей одинаково. Когда новорожденного ребенка клали мне на руки, мне каждый раз трудно было поверить, что мое сердце столь велико, чтобы вместить еще одного. После четырех сыновей мое сердце было настолько полно, что могло вот-вот разорваться. Но даже несмотря на любовь к сыновьям, у меня в доме была пустота и было такое чувство, словно мне не хватает чего-то, чего у меня никогда не было. Это было такое ощущение, как будто я знала свою дочь, еще не видя ее, а глядя словно в пустую рамку без фотографии.

Когда я впервые взяла на руки Аву, мое сердце вздохнуло. Как будто оно знало, что наполнилось целиком. Я любила моих мальчиков, но в дочери было что-то особенное. Как будто крошечный сверток в розовом одеяльце был шанс для матери снова начать собственную жизнь. Так мне говорила моя мать. Хотя, судя по тому, что я вижу до сих пор, ни у нее, ни у меня не получилось так, как мы планировали.

Я срезала еще пионов и добавила их в корзину, где их ярко-алый цвет смягчили лило-ватые ирисы. Они будут отлично смотреться в приемной у Генри, создавая эффект соболезнования. Цветы – это красиво. Но они увядают. И есть что-то нелепое в том, чтобы ставить вянущие цветы там, где все должно напоминать о вечной жизни.

– Кто это звонил?

Мими. Не помню, сколько времени прошло с тех пор, как я называла ее мамой. Она сидела в тени мирта, ее длинные светлые волосы были накручены на бигуди и прикрыты белым в красный горошек шарфом. Свои волосы я коротко стригла, сохраняя их естественный цвет – седину, чтобы не выглядеть глупо, как женщина за девяносто, все еще желающая казаться тридцатилетней. Бесполезно было говорить ей, что прошлого не воротишь.

Я закончила срезать цветы и выпрямилась. Поясница, как всегда после такой работы, ныла. Я уже знала, что скоро буду принимать обезболивающие таблетки и должна буду прилечь. Как долго я смогу еще держать этот сад? Мими, со своим артритом, устранилась уже много лет назад, что не мешало ей командовать мной, как будто это был ее сад. Да еще и в моем доме! Но обещание, данное мною когда-то, вынуждало меня ухаживать за садом, и я не собиралась нарушить слово.

Может быть, скоро и я буду сидеть в кресле в тени, но только мне будет нечем командовать. Невестки у меня славные, но ни одна из них не разбирается в садоводстве. Они любят цветы и приятные запахи, но ни у одной из них нет настоящей потребности уговаривать семена прорасти в плодородной земле или способности предсказать изменение погоды по виду листвы. И они, уж конечно, не ценят розы, потомки тех, что росли в саду бабушки Мими сто лет назад и сейчас занимают место у садовой решетки. Они словно держат сад в объятьях, как мать держит детей, как будто это возможно – оградить их от скоротечного времени.

– Это Ава, – отвечала я. – Я полагаю, она хотела сообщить мне, что прибыла благополучно.

Я чувствовала на своей спине ее обвиняющий взгляд.

– Ты должна была с ней проститься. А потом ты должна была позвонить ей первая, чтобы извиниться. Ты извинилась?

Я выдернула сорняк с такой силой, что осыпала грязью мои колокольчики. Наклонившись отряхнуть нежные цветы, я сказала:

– Как же я могу извиняться, когда я права? Она вышла замуж за чужака и переселилась практически на другой конец света.

Я съезжилась еще до того, как Мими раздраженно фыркнула.

– Сент-Саймонс – едва ли конец света, Глория. Это всего лишь другой конец штата, и туда можно доехать за семь часов. И Мэтью Фразье отнюдь не чужак, как тебе отлично известно.

– Мы были знакомы с его родителями, только и всего... Что я знаю о Мэтью? Когда мы уехали, он был маленький мальчик. И не думаю, чтобы я с тех пор его видела...

Клочковатые сорняки пробивались из темной земли, как волосы у лысеющего мужчины, и незабудки следовало бы прополоть. Ава бы знала, как это делается! Приезжая домой, она первым делом всегда неслась в сад. Но мои невестки могут лишь выполнять указания. И надевают перчатки, боясь запачкать руки. А вот мы с Авой знаем, что, погружая руки в землю, мы держим в них прошлое и настоящее, понимая, что загнивающие растения питают почву для будущих ростков. Как так вышло, что все четверо моих сыновей женились на женщинах, столь на меня не похожих? Мне очень трудно это понять... Ава и я, конечно, тоже не во всем совпадаем, но наша любовь к плодородной почве скрывает наши различия, так же как верхний слой почвы скрывает сорняки. Ава предпочитает цветам полезные растения – овощи, съедобные травы. Но это, как мне кажется, из чистого противоречия, чтобы противопоставить себя мне. Но это не имеет значения; Ава может вырастить траву и на голой скале.

– Ты должна к ней поехать. Помочь Аве устроиться в новом доме, – настаивала мать.

Мими – что та собака, грызущая кость. Она грызла и грызла тему, как собака глотает кость, пока на ней ничего не останется, что можно положить на язык.

– Ты же знаешь, что я не могу этого сделать. Я нужна здесь Генри, плюс на мне дом и дети Дэвида, и все мои комитеты. Если б она хотела, чтобы я помогла ей устроиться, она должна была остаться здесь, в Антиохе.

– Ты знаешь, тебе следует ей рассказать...

На этот раз она зашла слишком далеко. Я уронила корзину и подошла к ней.

– Ты же знаешь, я не могу этого сделать! Так давно это все было! – Были и другие причины, но как можно выразить словами страх и силу материнских объятий?

Ветер развеивал ее белый в красный горошек шарф. По контрасту с серьезным выражением лица Мими он смотрелся довольно нелепо.

– Я имела в виду, тебе следует ей сказать, что ты ее любишь.

Я молчала и просто смотрела в ее глаза, не в состоянии сосчитать, сколько раз она говорила мне, что она меня любит.

– Она знает, – сказала я, нагибаясь к корзине и рассыпавшимся из нее по зеленой траве цветам. Цветы на зеленом были как пролитая лилово-красная краска.

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Апрель 2011

Я стояла в гостиной, разглядывая рисунок в рамке под стеклом, висевший между двумя окнами. Крыша веранды бросала большую тень, но послеполуденное солнце проникало сквозь шторы и высвечивало пылинки, парящие в воздухе и совсем незаметные, если они не попадают в луч света.

По дому распространился запах готовящейся в духовке лазаньи. Тиш дала мне рецепт, убедившись сначала, что у меня есть все необходимые ингредиенты, и сказала, что это одно из любимых блюд Мэтью и его очень легко приготовить. Напрасно я опасалась – строго следуя инструкциям Тиш, я со всем превосходно справилась. Более того, взяла на себя смелость добавить побольше сыру, чем требовалось по рецепту – мне сразу хотелось сделать

это блюдо особенным, своим собственным. Я не знала точно, что это значит, но это был один из советов, данный мне моими невестками, когда они, прощаясь, торжественно преподнесли мне шкатулку, набитую их «собственными» рецептами.

Работал кондиционер, распространяя волны холодного воздуха сквозь вентиляционное отверстие в полу. Я прожила всю свою жизнь в Джорджии с кондиционером, но в этом старом доме, где по тем же самым полам, по которым мы ходим сейчас, ступали предки Мэтью, кондиционер казался странным и неуместным.

Приглядевшись к рисунку, висевшему в межоконном проеме, я смогла различить в нижнем правом углу инициалы АМФ. Я не знала, что означала буква «М», но была почти уверена, что «А» и «Ф» означали Адриенна Фразье. Дом на рисунке напоминал фотографию – очень тонкими линиями и легкими, очень легкими тенями. Кора деревьев была тщательно прорисована. Каждый завиток испанского мха в точности отражал свет и тени. Даже я была вынуждена признать, что Адриенна была превосходной художницей. Я отступила, мне в моем нервном состоянии не было никакого дела до талантов первой миссис Фразье. Да и мне виделось что-то странное в этом рисунке, хотя я не могла понять что. Это как взглянув на себя в зеркало, вдруг обнаружить, что волосы у тебя другого цвета, а не такие, какие ты ожидала увидеть.

Сняв со стены рисунок, я вышла в парадный двор. Надо же было понять, в чем состояло отличие! Я сосчитала ступеньки веранды, окна, взглядом исследовала крышу – нет, никаких отклонений, рисунок изображал все в точности.

Вернувшись в гостиную, я попыталась повесить рисунок на место, на два крючка, на которых он там висел. С первого раза не получилось. Я прижалась щекой к стене, надеясь увидеть крючки и осторожно надеть на них петельки, прикрепленные на обороте рисунка, но безуспешно. С раздражением и нетерпением я прижала картину к стене, чтобы подвигать ею и так нащупать крючки, но звук рвущейся бумаги остановил меня.

Чувствуя дурноту, я перевернула раму. Слава богу, порвался только первый бумажный слой. Рисунок был цел. Намеренная все же повесить раму на место, я взяла ее в руки и почувствовала, что под коричневой бумагой что-то есть.

Тогда я положила раму тыльной стороной вверх, отогнула порванный клочок и заглянула внутрь. В небольшое отверстие я могла разглядеть три листа бумаги для рисования, соединенные скрепкой. Осторожно засунув туда два пальца, я их извлекла. И только хотела отделить первый лист, как услышала хруст ракушек под колесами машины. Приехал Мэтью. Я с ужасом взглянула на расширившийся разрыв в коричневой бумаге. Как глупо. Было похоже, что я из ревности нанесла непоправимый ущерб творению своей предшественницы. Мне очень бы не хотелось, чтобы Мэтью так думал, тем более что это было не так.

Я в последний раз попыталась повесить раму – и проволочные петли сразу же зацепились за оба крючка. Уф! Готово! Я поспешила к парадной двери и по дороге заметила на полу выпавший лист бумаги для рисования. Не задумываясь, я рывком открыла ящик старинного шкафчика красного дерева и, сунув туда бумагу, задвинула его как раз в тот момент, когда открылась входная дверь.

Я замерла на месте – и поймала себя на том, что недоумеваю, с чего это вдруг меня одолело это странное чувство – как у ребенка, запустившего пальцы в вазу с печеньем. Положив портфель, Мэтью подошел ко мне. Как всегда, когда я видела его даже после короткой разлуки, дыхание у меня стеснилось. Интересно, это надолго – такая реакция на любимого мужчину? И насколько лет хватит такой моей обостренной чувственности?

Он молча обнял меня и медленно поцеловал. Я должна была его слегка оттолкнуть, потому что нам обоим этого сразу же показалось мало.

– Для десерта будет время потом, – сдавленно прошептала я. – Не хочу, чтобы моя первая попытка приготовить тебе обед провалилась.

Он приподнял брови.

– А я-то думал, ты не умеешь готовить...

Я развязала на нем галстук.

– Ты многого обо мне не знаешь, – сказала я шутливо, но улыбка исчезла из его глаз, когда мы оба осознали справедливость моих слов. – Не так уж трудно прочитать рецепт.

Он целомудренно чмокнул меня в кончик носа, но ничего не сказал. Взгляд его упал на низенький квадратный стол между софой и двумя креслами напротив.

– А это что такое?

На мгновение я подумала, что оставила небранными бумаги. Но с облегчением вспомнила, что на столе в пакете лежат пара старых фотоаппаратов и коробки с пленками. Я бросила их в чемодан в последний момент, когда укладывалась у себя в квартире. Почему я сочла важным взять их с собой? В легком смущении я пожала плечами.

– Так, ничего особенного, одно мое детское увлечение... – Я села на софу. Мэтью стоял рядом.

Я вытряхнула содержимое одного пакета на стол.

– Весной того года, когда мне исполнилось семь лет, у нас штормило как-то особенно часто. И к нам во двор занесло фотоаппарат. Я случайно нашла его в кустах в нашем дворе. Стивен показал мне, как его открыть, и там мы обнаружили отснятую пленку. В фотоателье нам ее проявили. Мне было жутко интересно, я только что начинала читать про Нэнси Дрю и думала, что снимки могли быть ключом к какой-нибудь тайне...

– И что же ты обнаружила? – В голосе Мэтью звучало искреннее любопытство и интерес, однако что-то смущало меня – уж очень внимательно он на меня смотрел, изучающее.

– Там был заснят детский праздник. День рождения. Какому-то ребенку исполнялось четыре года. Ну и вся полагающаяся праздничная атрибутика – воздушные шары, пирог, на всех конусообразные шапки с опушкой из искусственного меха... дурачества... Это была семейная вечеринка – папа, мама, маленький мальчик и две девочки чуть постарше. Девочки были очень похожи и даже одинаково одеты, так что я решила, что они близнецы.

Мэтью откинулся на подушку, обнял меня, улыбнулся и притянул к себе.

– Ты их узнала?

Я отрицательно потрясла головой.

– Нет! Что ты! Тот ураган был за триста миль от нас. Возможно, будь у нас тогда Фейсбук, кто-нибудь бы узнал их. Но знаешь... я подумала, что аппарат попал ко мне неспроста. Была, видимо, какая-то цель, чтобы он оказался в моих руках.

– Так, наверное, сказала бы твоя Мими.

Я взглянула на него недоверчиво.

– Ты видел Мими раз в жизни. Откуда ты знаешь, что она могла бы сказать?

– Ну... ты столько рассказывала мне о Мими... – Его пальцы гладили мои обнаженные плечи. Мне не так-то легко было сдерживаться. – Но это очень похоже на то, как она бы сказала... Разве не так?

– Возможно. Мне только кажется, что ты держишь меня за одну из своих пациенток, – сказала я. – И может быть, у тебя есть на то все основания. В близнецах я увидела что-то особенное. Да, понимаю, я их совсем не знаю, но все же... было в них что-то такое... не знаю. Что-то узнаваемое? Я всегда чувствовала, что где-то у меня есть невидимая подруга, с тех пор как я себя помню. Я это придумала, вероятно, потому, что мне было одиноко быть одной маленькой девочкой среди братьев. Или потому, что мне нужно было с кем-то говорить, потому что мама... – Я остановилась, не желая продолжать эту тему, и достала еще одну пленку. – Я стала ходить на «гаражные распродажи», всюду, где можно было купить подержанные вещи. Все деньги, какие я получала, присматривая за детьми, я тратила на

проявку найденных пленок. Я не хранила напечатанные фотографии, я их выбрасывала. Но как будто в каждой фотографии я надеялась найти что-то мне нужное.

Мэтью сел, сплел пальцы и упершись локтями в колени.

– И ты это нашла?

– Очевидно, нет. – Я показала на мои последние приобретения, разбросанные по столу: – Вот тут кое-что новенькое. Завтра у меня интервью насчет работы в Брунsvике, и я надеялась найти там фотоателье, где могла бы проявить еще не проявленные пленки. Ты говорил, что завтра я могу взять машину?

– Да, – он поджал губы. – Но я надеялся...

Он не договорил.

– Надеялся на что?

– Я надеялся, что мы сможем как-то устроить наш отложенный медовый месяц, пока ты не приступила к работе, а то потом у тебя уже не будет времени.

Мы говорили о медовом месяце, однако, приехав в Сент-Саймонс, ни один из нас, кажется, не стремился снова пускаться в дорогу. Но я чувствовала, что наши незавершенные планы не были единственной причиной его колебания.

– О чем еще ты подумал? – Я старалась говорить спокойно, помня о словах Тиш.

Он снова откинулся на подушку.

– Я надеялся, что ты для начала побеседуешь с коллегами в моей клинике. Одна акушерка у нас скоро уходит в декретный отпуск, и нам понадобится кто-то на ее место. Мы могли бы включить в штат еще одну акушерку, когда Джойс вернется.

Я помолчала. Я привыкла сама выбирать себе дорогу, ни с кем не советуясь. Мими говорила, что это у меня врожденное качество, часть моего инстинкта выживания. Я никогда не была в ситуации, где вопрос бы стоял так: «жизнь или смерть», но ее рассуждение я взяла себе на вооружение, чтобы объяснить себе свою склонность действовать не раздумывая и выпаливать первое, что пришло мне на ум. Стараясь говорить спокойно, сейчас я сказала твердо и напрямик:

– Я знаю, именно так сделала Адриенна. Но я предпочла бы найти себе работу на основании своих собственных достоинств.

Он смотрел на меня – и как будто видел перед собой кого-то другого. Видел ее. Он покачал головой, словно стараясь стереть этот образ из своего воображения.

– Ты права. Извини. Это должен быть только твой выбор. – Он помолчал, обдумывая свои слова. – Я, вероятно, один из тех, кто цепляется за привычное и удобное для себя. Мне следовало бы лучше соображать.

Я придвинулась к нему, запустив руку в его густые темные волосы, и коснулась губами его губ.

– Работа будет хорошее отвлечение – для нас обоих. И это сделает нашу близость еще слаще.

Он крепко обнимал меня, но я не могла избавиться от ощущения, что он разочарован, что хотел бы пережить часть своего прошлого. Прошлого, в котором была Адриенна.

– Чем это пахнет?

Я принялась. Мои ноздри уловили отчетливый запах подгоревшего сыра. Сыра в большом количестве. Мне было не до самоиронии, а то бы я посмеялась вволю над идеей приготовить блюдо по «собственному» рецепту. Кажется, «собственная» интерпретация удалась на славу...

– О нет! – в смешанных чувствах заорала я не своим голосом. Но было поздно. Бросившись в кухню, я открыла духовку – мне в лицо пыхнуло облако дыма. Мэтью вошел следом за мной и нажал кнопку «выключить» на панели духовки.

Схватив прихватки, я вытащила на свет божий позор на свою голову – горелую и кривую на один бок лазанью и шваркнула ее на плиту. Мой первый обед для моего мужа был обуглившейся вонючей лепешкой.

– Я забыла включить таймер... – прошептала я. Слезы жгли мне глаза.

– Что ж, бывает, – улыбнулся Мэтью, забирая у меня прихватки. – К счастью, у нас в деревне есть чудесные маленькие ресторанчики, где мы сможем вкусно поесть и выпить по бокалу вина – или по два.

Убедившись, что духовка выключена, он вывел меня из кухни, из которой еще не улетучилось присутствие Адриенны. Запах моей неудачи преследовал нас как призрак.

Глава 5

Памела

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Октябрь 1805

Болота закутались в осенние одеяла из золота и янтаря, вытряхнув из них насекомых и птиц – так богатые старухи перетряхивают меха, готовясь к зиме. Остров был теперь совсем другой, не такой, как весной и летом, – а лишенный запахов и звуков до возвращения мартовских дождей, под которыми он расцветет снова. Этим он отличался от океана, который менял цвет, в сущности, не меняясь, с его неумолимыми отливами и приливами – напоминаниями о жестоком равнодушии к жизни и смерти.

Дул ветер. Мы с Джеффри стояли, прижавшись друг к другу, его рука обнимала меня, и это был единственный источник тепла для моего тела, промерзшего до глубин. Наш ребенок ушел от нас так внезапно, что оба мы, как потерянные, бродили по дому, спотыкаясь и без надобности открывая двери в пустые комнаты.

Народу на кладбище Крайст-Черч было мало. Из-за отсутствия церковного здания священник служил под открытым небом. Мох падал с дубов на группку присутствующих. Слов было сказано мало, как и подобало короткой жизни младенца Джейми. Надгробия, разбросанные тут и там по новому кладбищу, были немymi свидетелями нашей скорби, когда маленький ящичек опустили в землю.

Я крепко держала Джеффри за руку, но не плакала. Многие матери плачут и плачут... Но я обретала утешение и покой, держа руку мужа в своей, и позволяла горю прийти ко мне, но не просила его задержаться.

Подожли мой отец и сестра Джорджина. Джорджина была как беленькая фарфоровая куколка, несмотря на ее черную накидку и платье. Она поцеловала меня в обе щеки холодными твердыми губами, потом подошла с тем же к Джеффри. Я отвернулась, вспоминая, как до моего возвращения из Саванны, где я ухаживала за больной бабушкой, Джорджина была с ним нежна и даже намекала на предстоящую помолвку.

Но этому не суждено было случиться. Незадолго до моего возвращения он перестал у нее бывать. Я не знала, почему, объясняя это непостоянством ее натуры и ее постоянным недовольством тем, что она имела, и желанием иметь то, что она иметь не могла.

Прошло несколько месяцев, когда я увидела Джеффри в гостях у соседней. Наши глаза встретились, словно нас объединили общие мысли. Он сразу же подошел ко мне – через всю комнату – и не отходил от меня целый вечер. Он стал провожать меня домой после церковной службы, и недолгое время спустя мы поженились. Я не чувствовала себя виноватой перед Джорджиной. Она была красива, и у нее было много поклонников. Но Джеффри был мой. Я даже начала верить, что наша встреча была в такой же степени частью мирового порядка, как смена времен года.

– Я приготовила на ужин рагу и горячий хлеб, – сказала Джорджина. – Решила, что ты вряд ли захочешь сразу вернуться домой.

Пожалуй, она права. Тишина в доме могла сломать мое хрупкое равновесие. Я благодарно ей улыбнулась.

– Да, спасибо. Ты очень добра.

– Ты моя сестра и Джеффри мой зять. Это самое меньшее, что я могла сделать.

Она схватила меня за руку – рука была без перчатки, я потеряла их, принимая роды, а Джеффри не располагал сейчас деньгами, чтобы купить мне новые – после прошлогоднего урагана и потери урожая. Перчатки были лайковые.

Джорджина пристально смотрела на безобразный красный шрам у меня на руке.

– Что у тебя с рукой?

Я высвободила кисть.

– Порезала, во время родов. У Тетли. В прошлом году, в феврале. Рана воспалилась, и я могла потерять руку. И слава богу, что это всего лишь шрам.

Джеффри подошел ко мне и снова, взяв мою руку в свою, поднес шрам к губам.

– Ты уверена, что не хочешь вернуться домой?

Его темно-синие глаза смотрели в мои глаза, и мне захотелось заплакать. Ребенок, которого мы только что похоронили, был не только мой, но и его, и у них были одинаковые глаза. Я прижалась головой к груди Джеффри, слыша биение его сердца.

– Да, только ты будь со мной.

Джорджина остановилась, отвернувшись, позволяя Джеффри увести меня с кладбища. Заржала лошадь, и я увидела, как из-за нашего фургона вышел мужчина. Я почувствовала, что Джеффри напрягся, когда мы оба узнали молодого вдовца Натэниела Смита. У него была большая хлопковая ферма на Джоунз-Крик, поэтому у нас, казалось бы, должно было быть много общего. Но Джеффри его терпеть не мог, и мы избегали его общества. Его жена умерла восемь лет назад, и на службы в домах плантаторов он не ходил. Без участия женщины, жены, в общественной жизни было неудивительно, что наши пути не пересекались даже на таком маленьком острове.

Натэниел снял шляпу и поклонился мне, потом Джеффри.

– Мистрис Фразье. Мистер Фразье. Я сочувствую вашей утрате, – проговорил он.

Ни один из нас ему не ответил, но он продолжал:

– Я не знал о вашей трагедии. А то бы не зашел к вам сегодня. Но мне сказали у вас дома, что вы здесь и, возможно, будете готовы увидеться со мной, после того как я изложу вам свое дело...

– Какое такое дело? – резко спросил Джеффри.

Подошла Джорджина и, узнав Натэниела, замерла на месте, краска сошла с ее лица.

Поведя рукой у себя за спиной, Натэниел вытолкнул вперед худую, бледную, малорослую девчущку, не старше лет десяти-одиннадцати, с грязной желтой повязкой на голове. Там, где у нее когда-то был глаз, сморщенная кожа была просто зашита. Она смотрела на нас униженно, со страхом, внутренне съежившись, но держась прямо.

– Это Джемма. Ее мать была у нас акушеркой. Она умерла от лихорадки в прошлом месяце. Джемма помогала ей немного и кое-чему научилась. Мне она не нужна, но вашей жене, может быть, пригодится...

Я выступила вперед, но не прикоснулась к девочке, опасаясь, что она убежит, и ее не остановишь.

– А что у нее с глазом?

Натэниел прищурился.

– Тяжелая инфекция, и его пришлось удалить.

Я постаралась не содрогнуться, представив себе, что это могла быть за операция. Морфину рабыне не дали бы. Я смотрела на Джемму. Какая же она стойкая, чтобы пережить такое.

– Сколько вы за нее хотите? – спросил Джеффри.

Я чуть не заплакала от облегчения, услышав голос мужа. Я думала, мне придется умолять его взять этого бедного израненного ребенка.

Натэниел не удостоил девочку взглядом.

– Я рассчитывал, что мы можем устроить обмен. У меня две рабыни сейчас на сносях. Без акушерки, боюсь, разродиться они не смогут. А я не могу позволить себе потерять и матерей, и детей.

Не дожидаясь ответа Джеффри, я согласно кивнула.

– Конечно, только пришлите мне сказать вовремя.

Натэниел заметил Джорджину, и в глазах его вспыхнул странный огонек.

– Мисс МакГрегор, – сказал он, склоняя голову, – надеюсь, вы здоровы.

Я стояла лицом к лицу с сестрой и увидела, как краска выступила у нее на щеках. Она отвечала наклоном головы, глядя себе под ноги.

Я опустила на колени рядом с Джеммой и улыбнулась ей, стараясь не смотреть на ее глаз.

– Я – Памела, и ты будешь жить у нас.

У девочки, казалось, что-то внутри оттаяло. Она робко сделала шаг ко мне, и я положила руку на ее костлявое плечико. Она вздрогнула под моей ладонью, и я почувствовала какую-то родственную близость с ней. Моя мать умерла от родов, когда мне было девять лет. Нет более тяжелой потери в жизни, чем для девочки потерять мать, прежде чем она не научилась быть женщиной.

Я повернулась к Джеффри:

– Давай сначала отведем Джемму к нам. Леда ее накормит и постелет ей рядом с собой в кухне. Мне кажется, им будет хорошо вдвоем.

Я не случайно сразу же подумала об этой очень маленькой и очень полной темнокожей Леде. Она заботилась о Джеффри с самого его детства. Бездетная вдова неопределенного возраста, она все еще оплакивала своего мужа – он умер более трех лет тому назад.

Джеффри посадил Джемму в фургон и помог мне сесть на переднее сиденье рядом с ним. При выезде на дорогу я обернулась. Натэниел как раз подошел к моей сестре. Взглянув на него, она побежала к отцу, тот выходил с кладбища.

– Я знаю, ты не любишь Натэниела, – сказала я Джеффри, все еще глядя на сцену у входа на кладбище, – но он мог бы обеспечить Джорджину. Не понимаю, почему она не позволяет ему ухаживать за собой.

Сначала Джеффри ничего не ответил, но наконец сказал:

– Предоставь ей самой сделать выбор, хотя боюсь, она его уже сделала. – Держа вожжи одной рукой, другой он взял мою руку. – У тебя верное сердце, Памела, почему я и люблю тебя так. В любви я не допускаю изменчивости, она ранит душу.

Его пальцы в перчатке переплелись с моими, и я изумилась их твердости и надежности, как сильны они были на полевых работах и как нежно они ласкали ребенка.

Он стиснул мне пальцы почти до боли.

– Ты понимаешь?

Опустив голову ему на плечо, я на мгновение забыла о нашем горе.

– Да, Джеффри, – сказала я. – Ты же знаешь, я никогда бы не могла быть неверна тебе.

«Навсегда», – пронеслось у меня в голове. Мои пальцы коснулись золотого обруча на левой руке, и впервые за долгое время я подумала о бывшей его владелице – не значила ли его потеря ею, что «навсегда» утратило свой смысл.

– Хорошо, – сказал он, не глядя на меня.

Он снова взял вожжи двумя руками, а я продолжала за ним наблюдать. Мне очень хотелось спросить, откуда ему известно все о Джорджине, но я понимала, что не могу задать ему этот вопрос.

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Апрель 2011

Взглянув еще раз на карту, которую нарисовал мне Мэтью, я сложила ее и сунула в задний карман шорт. Я давно не ездила на велосипеде, но мне всегда говорили, что один раз научившись, разучиться уже невозможно. После первых попыток продвигаться по неровной

поверхности я готова была не согласиться. Велосипед Мэтью был слишком велик для меня, но он опустил седло, насколько это было возможно, и заверил меня, что скоро мы купим мне собственный. Я лихо закинула одну ногу через седло, другую уперла в педаль – и, чудесным образом оказавшись в вертикальном положении, хотя и несколько неустойчивом, тронулась с места. Легкий солоноватый ветерок ласкал мне лицо, и я невольно заулыбалась.

Мое собеседование по поводу работы, устроенное по рекомендации моего бывшего начальства, прошло хорошо, и настроение у меня было отличное. Мэтью предлагал отвезти меня на это интервью в Брунsvик через дамбу, но мне хотелось поехать туда самостоятельно. Тогда он показал мне несколько дыхательных упражнений для успокоения нервов, если я вдруг впаду в панику, пересекая мост, и после нескольких совместных поездок с ним в пассажирском кресле я почувствовала себя способной осуществить все сама.

Сбросив скорость при приближении к Фредерика-роуд, я вспомнила, что здесь нужно повернуть направо, к деревне. Я побывала в ее центральной части, заполненной маленькими магазинчиками и ресторанами, где мы с Мэтью ужинали после моей неудачи с лазаньей, но мне было необходимо как следует познакомиться с моим новым домом. Мэтью обещал мне показать округу в ближайший уик-энд, но мне не хотелось дожидаться. Я желала все увидеть своими глазами, а не его, и без его воспоминаний.

И я хотела увидеть океан.

Меня окатило волной страха при одной только этой мысли, и велосипед вильнул в сторону. Позади раздался гудок, и я снова вернулась на дорогу, сосредоточившись, чтобы пропустить обгонявшую меня машину.

Вскоре пот выступил у меня на лице, и майка прилипла к спине. Поглотивший мое внимание запах болота затмил в сознании ощущение велосипеда. Знакомые неприятные чувства пробудились в моей памяти, и ноги крутили педали как бы отдельно от меня.

Я поехала медленнее, начиная замечать густые кроны деревьев, приподнимавшие испанский мох на своих гибких ветвях, как женщина, демонстрирующая драгоценности. Местами улица походила на туннель, деревья и мох создавали иллюзию путешествия сквозь время на фоне света и тени.

Мне как-то удалось преодолеть развязку, миновав столкновение с небольшим фургоном из Огайо, выехавшим не на ту полосу. Шофер помахал мне в знак извинения, и я ответила ему тем же, желая показать, что я здесь тоже впервые. Я заметила под дубом молочное кафе «Дэари Куин» и остановилась, только тут осознав, что забыла дома кошелек – что вызвало у меня еще более сильный позыв попить чего-то холодного.

В придачу с непривычки у меня свело икры. Пытаясь их растянуть, я заметила пару, выходящую из здания рядом с «Дэари Куин», с желто-зелеными навесами. На окнах и над дверью была надпись «Таверна Мерфи», такая же красовалась и под крышей, на случай если вы не заметили две другие. Рядом стояла небольшая группа людей, с камерами, направленными на подножие большого дуба рядом с таверной. С любопытством я подошла поближе, чтобы увидеть, что привлекло их внимание.

В обрубке огромного отростка гигантского дерева было вырезано лицо человека с закрытыми, словно во сне, глазами. Оно напомнило мне посмертные маски великих людей, какие я видела в учебниках истории. Лицо было проработано в мельчайших деталях, но что меня действительно изумило, было то, что впервые с того момента как я оказалась на острове, у меня не возникло постоянно преследовавшего меня чувства, что все это когда-то я уже видела.

– Что это? – спросила я стоявшего рядом со мной человека, достававшего камеру.

– Дух дерева, – отвечал он, как будто такого объяснения было вполне достаточно.

Женщина, видимо, его жена, посмотрела на него, нахмурившись, и добавила:

– На острове их около семнадцати – большинство на общественной территории. Они вырезаны местным художником Китом Дженнингсом. И символизируют моряков, погибших в море на кораблях, сделанных из дубов Сент-Саймонса.

На меня повеяло холодом, словно я погрузилась в ледяную воду. Я снова уставилась на лицо, увидев в нем теперь лицо утопленника, вообразив себе взгляд его открытых глаз, устремленных на поверхность воды, по мере того как он погружался глубже и глубже...

Женщина как-то странно на меня смотрела, и я заставила себя улыбнуться.

– Благодарю вас, – пролепетала я слабым голосом. – Как интересно.

Кивнув им обоим, я пошла дальше, вцепившись потными руками в руль велосипеда. Отойдя чуть поодаль, я снова села в седло, не представляя себе, куда двигаться дальше. Мой первоначальный план был посетить деревню и исторический сент-саймонский маяк. За ним был пирс и залив – местные достопримечательности. Я хотела подойти к воде и взглянуть на нее на расстоянии и в безопасности – с велосипеда.

На шее у меня выступил холодный пот, чуть было не заставивший меня повернуть домой. Но потом я вспомнила лицо Мэтью, когда он рассказывал мне, как мальчиком он проводил время на воде, как он любил запах и ощущение волны за бортом его лодки и мое обещание ему постараться полюбить все это, как любил он.

Расправив плечи, я двинулась в заранее выбранном направлении, со всей возможной скоростью крутя педали, пока не передумала.

Добравшись до пересечения Мэллери и Кингс-уэй, я увидела ресторан, где мы с Мэтью ужинали четвертого мая, и слезла с велосипеда, чтобы пройти по тротуару и взглянуть на витрины магазинов.

В добавление к ресторанам, где даже местные жители любили ужинать, в деревне было много магазинчиков для туристов и галерей. Я сосредоточилась на витринах, избегая думать о заливе и океане за ним. Я снова села на велосипед и медленно поехала мимо казино и свернула направо, где маяк стоял как часовой над городом и заливом.

Я снова подумала, а не вернуться ли мне домой, хотя до возвращения Мэтью оставалось еще восемь долгих часов. В голове у меня мелькнуло предостережение матери, советовавшей мне прислушиваться к своим опасениям, ибо они могут спасти меня в трудный час. Но если бы я всегда слушалась ее, я бы по-прежнему жила в Антиохе замужем за Филом Отри и преследуемая непонятной тревогой. Со вновь обретенной решимостью я стиснула зубы и устремилась вперед под громкие птичьи крики.

Бетонная дорога вела от маяка к рыбацкому пирсу, далеко выдававшемуся в залив. Я видела его на карте и знала, что лежало за поворотом, но продолжала толкать велосипед вперед, боясь остановиться даже на минуту, ибо отчетливо понимала: если я остановлюсь, то буду не в состоянии тронуться с места.

Первые признаки паники появились у меня, когда я услышала шум волн, бившихся о скалы, преграждавшие путь воде. На мгновение я остановилась, чтобы несколько раз глубоко вздохнуть, как учил меня Мэтью, сообразив, что я удачно выбрала место, защищенное заливом от могущества океана. Но все же холодная темная вода, казалось, дразнила меня каждым новым ударом волны о молчаливые скалы.

Сезон был в самом начале, и народу вокруг было немного, но все же достаточно, чтобы служить мне опорой, побуждать меня улыбаться прохожим, ощущать твердость велосипедного руля в руках и песок под резиновыми подошвами туфель.

Я остановилась у павильона, глядя мимо дорожки, ведущей к скалам и дальше к песчаному пляжу, мимо берега, рядом с которым вода казалась почти неподвижной. Но я чувствовала ее притягательность и знала цену ее силе, по-настоящему понятной лишь морякам и пловцам, обнаруживавшим могущество волны и ее необоримую тяжесть.

Ритмичный топот ног по дорожке привлек мое внимание. Мужчина с обнаженными руками и блестящей от пота грудью бежал трусцой. Приближаясь ко мне, он замедлил темп. Футы в двадцати от меня он остановился и положил руки на колени, тяжело дыша. Было трудно отвести от него взгляд. На вид ему было лет тридцать с небольшим, волосы его казались выцветшими от солнца. Он был хорошо сложен, и у него были такие скулы, за какие модели готовы были бы отдать все на свете.

Выпрямившись, он встретился со мной взглядом и улыбнулся. Я быстро отвернулась, смущенная тем, как я устала на него. Я была счастлива в замужестве, но вполне могла оценить привлекательность постороннего мужчины. Однако это отнюдь не могло служить оправданием моего пристального внимания к нему.

Я начала разворачивать велосипед, но он заговорил со мной:

– Вы заблудились?

Я мигнула от солнца.

– Нет. А что?

Он пожал плечами:

– Десять минут назад я бежал рядом с вами, и вы выглядели – не знаю, как точнее сказать... потерявшейся. Отрешенной какой-то...

Я не ответила, и он сказал:

– Извините. Не хотел вас беспокоить.

– Нет. Вы меня извините. Я... я просто задумалась. – Я оглянулась на воду. – Вы знаете, какая здесь глубина?

Он покачал головой:

– Должен был бы, наверно, знать. Но я понятия не имею. – Он посмотрел на меня пристально, и я увидела, что глаза у него аквамариновые – не совсем голубые и не совсем зеленые. – А что?

– Не знаю. Мне почему-то пришло в голову. – Поколебавшись мгновение, я спросила: – Вы местный?

– Почти. Сейчас живу на Джекилл-Айленд, но вырос здесь и мои родители по-прежнему живут здесь. Я провожу у них пару дней, помогая с домашними делами. А вы?

– Я только что сюда переехала. Хотела немного осмотреться.

– И на велосипеде это сделать лучше всего, но только не налетайте на туристов. – Его улыбка была теплой и располагающей, и мой страх отпустил меня.

– Да, я это уже заметила. Кто бы мог подумать, что эти развязки удобны для туристического центра?

Он засмеялся, и я еще больше сбросила напряжение. С благодарностью я протянула ему руку.

– К слову, я – Ава Фразье.

Улыбка его несколько погасла еще до того, как он протянул мне руку.

– Джон МакМахон, – сказал он. – Вы родственница кого-нибудь из Фразье на острове?

– Я замужем за Мэтью Фразье. Вы его знаете?

Хотя он по-прежнему улыбался, глаза его казались заледеневшими.

– Да. Мы вместе учились. – Видимо, он хотел еще что-то сказать, но сжал зубы в явной попытке воздержаться.

– О, – сказала я, желая, чтобы он продолжил и в то же время почему-то зная, что я не должна больше спрашивать.

Он отступил с извиняющимся видом.

– А я тут перед вами без рубашки и весь мокрый – моей матери было бы за меня стыдно. – Он усмехнулся, теплота вернулась в его глаза, и я подумала, что холодность была всего лишь игрой света.

– Было очень приятно познакомиться с вами, Джон, – сказала я. – Надеюсь, мы еще увидимся.

– Очень возможно. Я здесь часто, и мы обязательно встретимся в бакалейном магазине – их здесь два больших.

Я улыбнулась и помахала ему.

– Отлично. Буду ждать с нетерпением.

Он повернулся уходить, но остановился. В глазах у него появилось что-то странное, чего я не могла понять.

– Скажите Мэтью, что я с вами поздоровался.

– Скажу. – Я стояла и наблюдала за тем, как он убегал. Я внезапно почувствовала прохладу и, взглянув на небо, обнаружила, что темные серые облака скрыли солнце. Я смотрела на воду, замороженная превращением серого цвета в черный. Интересно, каково это – видеть такую черноту снизу...

Избегая смотреть вниз, я повернула назад, желая поскорее уехать подальше отсюда, прежде чем упадут первые капли дождя.

Глава 6

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Май 2011

Я стояла перед большим зеркалом в углу нашей спальни, а Мэтью застегивал мне молнию на маленьком черном платье. Он коснулся губами моей шеи, и я вздохнула, думая, как это могло случиться, что его запах стал мне так же знаком, как мой собственный.

– Нам обязательно нужно идти? – прошептал он мне на ухо.

Я повернулась в его объятьях, обвив руками его шею.

– Так как мы почетные гости, я сказала бы да. Тиш будет очень разочарована, если мы не покажемся. Она может отказаться учить меня готовить.

Мэтью приподнял брови в притворном ужасе.

– Тогда мы должны непременно пойти. Но никто не станет требовать, чтобы мы уходили последними.

Мой ответ застыл у меня на губах, когда Мэтью поднял мою левую руку со своего плеча и пристально на нее посмотрел.

– Прости, – спохватилась я и подошла к туалетному столику, где стояла моя шкатулка с драгоценностями. – Я надену его сегодня.

И прежде чем он успел что-то сказать, я взяла кольцо с бриллиантом с бархатной подкладки и надела его на палец.

– Ты же знаешь, я люблю его, Мэтью. Просто я... не привыкла к нему. – Я не прибавила, что нахожу его лишним, что один сам по себе золотой ободок был совершенен, и казалось, что бриллиантовое кольцо принадлежало кому-то другому.

Мэтью взял мою руку и поцеловал.

– Для меня не имеет значения, носишь ты его или нет. Я только хотел убедиться, что оно тебе не неприятно. А то я снова пошел бы к ювелиру и обменял его на другое, которое тебе больше бы нравилось.

Я дотронулась до его свежевыбритого подбородка и улыбнулась:

– Я это знаю.

Не отпуская моей руки, он повел меня к двери.

– Пошли. У меня есть для тебя сюрприз.

Я вспомнила про бумаги, которые сунула в ящик стола в гостиной и о которых сразу забыла. А вдруг он их нашел, и должна ли я сказать ему правду о том, как они туда попали и сплести какую-нибудь историю, чтобы он не подумал, что я хотела уничтожить произведение Адриенны?

К моему облегчению, он увлек меня к парадной двери.

– Закрой глаза, – попросил он.

Я повиновалась, и, положив руки на мои обнаженные плечи, он осторожно помог мне спуститься по ступенькам крыльца.

– А теперь ты можешь открыть глаза.

Я открыла – и мигнула от удивления. Рядом с моей машиной на дорожке стоял ярко-красный дамский велосипед. С корзинкой, звонком – все как положено. Как мальчишка, Мэтью поднял велосипед и поднес его ближе, чтобы я могла увидеть на нем номерную доску со своим именем «Ава».

– Пришлось сделать заказ, а то у них не было таких с твоим именем.

Я сделала гримасу. Имя мое старомодное, так что у меня никогда не было стикеров или каких-либо других детских штучек из тех, что продаются на ярмарках. Однажды я спро-

сила мать, зачем она сделала это со мной. Это слово еврейского происхождения и означает «жизнь», сказала она. И тут же вернулась к своему занятию в саду, как будто ее объяснение дало мне исчерпывающее знание.

– Как...? – У меня к нему был миллион вопросов, но я не могла расположить их в последовательности, чтобы что-то сказать.

– Я знал, что тебе хочется велосипед, так что заказал его в день нашей свадьбы. И номерную доску. Его доставили, пока ты была в душе.

Он улыбался. Мое сердце вспомнило, как я впервые увидела эту улыбку. В комнате было полным-полно людей, но я заметила только его, и его улыбка так гармонировала с его высоким ростом, атлетическим сложением и загорелым лицом. Это была улыбка человека, который будет прогуливаться на пляже в ураган или вести корабль в бурю. Она меня заворожила тогда, и теперь я находила ее не менее чарующей.

– О, Мэтью, – мурлыкнула я, обнимая его и целуя. – Как замечательно! Откуда ты знал, что красный – мой любимый цвет?

Казалось, он удивился.

– Разве ты мне не говорила? Наверное, когда-то ты мне сказала. Я рад, что он тебе понравился, – добавил он, усмехнувшись. – Мне бы не хотелось его возвращать.

– Даже не думай! – Я схватилась за руль. И окинула взглядом свое черное платье и высокие каблуки. – Если это все скинуть, то я смогу прокатиться...

– Если ты снимешь все это, покататься тебе не удастся, – выразительно ответил мне он с явным намеком. – Давай-ка пока поставим его в гараж, а покататься ты сможешь завтра.

Нехотя отдав ему велосипед, я уселась в машину на пассажирское место.

Все еще стараясь выучить географию острова и пользуясь случаем, что машину вел он, я присматривалась к дороге. С Фредерика-роуд мы свернули на Демер, миновав маленький аэродром, где стоявшие на земле самолеты напоминали игрушки, так что Мэтью стал в шутку «серьезно» уверять меня, что они могли бы взлетать без батареи или пульта. Когда мы проехали аэродром, я заметила указатель, сообщавший, что мы на поле битвы, известном как Кровавое болото.

– Звучит зловеще, – поежилась я.

– Здесь войска Оглторпа окончательно разгромили испанцев в Джорджии. – Мэтью взял мою руку и оставил ее в своей у меня на коленях. – Мы сюда еще вернемся на велосипедах, чтобы рассмотреть все подробно. И Форт Фредерика тоже, это британский форт, выстроенный как наблюдательный пункт на случай нападения испанцев. – Наверное, я видела фотографии форта раньше, потому что могла ясно представить себе его башни и амбразуры. Я могла даже представить себе старые пушки на бастионах, грозящие незримым врагам.

– Мне бы очень хотелось, – улыбаясь, я повернулась к нему.

Потом снова стала смотреть в окно, наблюдая, как гаснет свет дня. В тени дубов, казалось, сумрак наступал раньше времени. Их тяжелые ветви простирали свои объятия навстречу приближавшейся ночи. Мы пересекли дамбу, миновав указатель «Восточный пляж».

– Тиш живет на берегу? – спросила я спокойно, хотя уже почувствовала, что кровь быстрее побежала по моим жилам.

– Не совсем. Их дом отделяет от воды пустое пространство и пляж, но можно считать, что на берегу... Ее муж – второй муж – архитектор, и он построил этот дом пятнадцать лет назад. Дом удивительный, если тебе нравятся новостройки.

Успокоенная ответом Мэтью, я улыбнулась своему отражению в оконном стекле. Дом моих родителей, где я выросла, был построен полвека назад – острые углы, низкие потолки, современные строительные материалы. Но сейчас я жила в доме, где были неровные сосновые полы и скрипящие балки, как будто поколения семьи Мэтью, прошедшие жизнь в его

стенах, по-прежнему жили в каждом скрипе и каждой выбоине. Это совсем не означало жить с привидениями. Это скорее означало жить частично в прошлом. И это пришлось мне по вкусу.

– Моя мать считает, что я не должна жить на Сент-Саймонсе, так близко к воде. Она сказала, что мы уехали отсюда, так как она не хотела жить там, где все, что она любит, могло быть у нее отнято.

Лицо его приняло выражение, которое я уже привыкла узнавать как профессиональное. Он усиленно думал, стараясь сделать вид, как будто уже знает ответы на все вопросы.

– Иногда страхи родителей могут передаваться детям. Возможно, в этом источник твоей «океанобоязни».

– Ты действительно так думаешь? – Я взглянула на него с надеждой. – Это значит, что я могу «излечиться»?

– Без подробного анализа трудно сказать. Но мы будем над этим работать. – Он обнадеживающе стиснул мне руку.

Я хотела рассказать ему о своей экскурсии на пирс, но остановилась. Другая мысль показалась мне более важной.

– Послушай... а... Адриенна... она боялась чего-нибудь? – Я чувствовала неловкость, упоминая ее имя, и повернулась к окну, чтобы не видеть в эту минуту его выражение.

Он немного помолчал, и я думала, что он не ответит. Но он сказал:

– Привидений.

– Привидений? – Я чуть не подпрыгнула на сиденье.

Он кивнул.

– Она сказала мне как-то, что, когда я смотрю на нее, у меня такой вид, словно я вижу привидение.

Холодок пробежал у меня по спине.

– Что она этим хотела сказать?

Мэтью пожал плечами, но в нем чувствовалось напряжение, и я знала, что он вынуждает себя сохранять спокойствие.

– Я не знаю. Она не могла этого объяснить.

Я смотрела вперед в ветровое стекло, едва замечая в углубляющемся сумраке болота вокруг.

– Тиш рассказывала мне о твоём предке – как его призрак бродит по пляжу в поисках своей неверной жены. Адриенна видела его?

Мэтью недовольно сжал губы.

– Послушай, это наш вечер, твой и мой. Я не хочу говорить об Адриенне. Это все в прошлом. Давай сейчас сосредоточимся на нас и нашем будущем.

Я отстегнула ремень безопасности и подвинулась ближе к нему, чтобы положить голову ему на плечо.

– Ты прав. Я не стану больше о ней думать. Только о нас.

Я закрыла глаза, вдыхая его запах как кислород, и подумала о бумагах, которые я достала из рамы. И промолчала, не желая нарушить только что данное обещание.

Мы проехали жилой квартал с узкими улицами и песчаными обочинами. Возле некоторых домов на дороге стояли велосипеды и фургончики с детскими игрушками, как будто день, проведенный на пляже, был столь утомительным, что у людей не осталось сил перенести все ближе к дому.

Заехав в тупик, Мэтью остановил машину рядом с джипом с поднятым верхом; хотя мы были и не на пляже, но я чувствовала, что он близко – так олень чувствует приближение охотника. Ощувив мою тревогу, Мэтью обнял меня за плечи и повел к большому дому

с оштукатуренными песчаного цвета стенами и черепичной крышей. Над окнами, словно брови, поднимались арки, массивная парадная дверь была сплошь из стекла и железа.

– Очаровательно, – сказала я. И не солгала, потому что так оно и было на самом деле, но я воздержалась добавить, как неуместно выглядело это здание среди песков и пальм.

Мэтью открыл дверь, не постучав, напомнив мне этим, что он вырос с этой семьей. Пасынки Тиш были его ровесниками. Кто-то сунул мне в руку бокал вина, нас окружила толпа народу, приветствуя и обнимая Мэтью и пожимая мне руку. Я старалась запомнить имена, сыпавшиеся на меня как конфетти.

Меня провели из отделанного мрамором холла в просторную кухню. Ее, очевидно, недавно переоборудовали. Помещение заполняли столы с мраморными поверхностями, шкафчики с железными ручками в тосканском стиле, и плитка над мойкой была прекрасна – явно расписанная вручную.

– Я думала, моя кухня красива, но эта... – сказала я Тиш, не найдя больше слов.

– Я рада считать это все своим достижением, но у меня было много помощников.

Она замолчала, и странное выражение промелькнуло у нее на лице. Я снова взглянула на плитку над мойкой. Потом заметила люстру над уголком для завтрака.

– Адриенна помогала с дизайном?

Тиш неохотно кивнула.

– В кухнях она разбиралась, и я была довольна ее участием. Она же расписывала и плитку.

Я кивнула. Красота для меня как-то померкла.

Стройная блондинка с короткой стрижкой, в черном облегающем вязаном платье, стояла у мойки и пила воду. В стакане у нее плавал здоровенный кусок лимона. Лет блондинке было, наверное, около тридцати.

– Хочу познакомить вас кое с кем, – потянула меня за руку Тиш и подвела к молодой женщине. – Ава, это моя дочь, Бет Хермес. Бет преподает в колледже историю и тоже состоит в членах Исторического общества. Вы ее не видели на прошлом собрании, потому что она и ее муж Кен отмечали годовщину свадьбы и грядущее увеличение семьи на Эмилия-Айленд.

Тиш обняла дочь, и я ощутила укол зависти, когда Бет улыбнулась материнской улыбкой.

– Мама мне много о вас рассказывала. Я позавидовала тому, как романтично вы встретились с Мэтью. Впервые увиделись на нудной медицинской конференции и тут же поженились! Не думаю, чтобы у меня на такое хватило смелости. Я вышла за своего однокурсника. – Она провела рукой по своему пока еще плоскому животу. – Пока у нас все хорошо.

Я смотрела на ее живот, думая, как бы сменить тему. Я не хотела говорить о своей встрече с Мэтью. Я никогда не смогла бы объяснить кому бы то ни было, что значит встретить кого-то впервые и чувствовать, как будто он был всегда частью моей жизни. Сказанное вслух, это означало бы, что я поступила безрассудно и безответственно, чего мама никогда мне не позволяла.

– Какой у вас срок?

– Пять недель. Но я даже не чувствую, что беременна. Уж скорее бы появились видимые признаки, чтобы все выглядело как положено...

Я засмеялась.

– Я акушерка, так что часто слышу такое. Поверьте мне, признаки появятся раньше, чем вы их ожидаете. Ваш муж станет жаловаться, когда вы начнете носить его свитера, потому что ни во что другое вы не влезаете.

– Она консультируется у доктора Шоу в клинике семейной медицины в Брунсвике. Собеседование у вас было там?

– Да. Они позвонили мне сегодня и предложили работу. Я думаю, соглашусь. Так что мы будем чаще с вами встречаться, – сказала я Бет.

– И со мной тоже, – вмешалась Тиш. – Поскольку Бет – моя единственная дочь, Кен великодушно терпит мою суету вокруг своей жены. Мы надеемся на естественные роды, но у нас есть и запасной план на всякий случай.

– Чтобы только мать и ребенок были здоровы, – произнесли мы с Бет в унисон, и обе рассмеялись.

– Какое красивое кольцо! У Мэтью прекрасный вкус. – Улыбка ее погасла, когда она увидела красное пятно у основания моего большого пальца. – Что случилось? Похоже, что это был глубокий порез.

Я потеряла шрам.

– Да, это так выглядит, но не беспокойтесь. Это произошло не во время родов. Я действую куда нежнее. – Мы снова дружно засмеялись. – Мне, наверное, следует придумать какую-нибудь героическую историю, например, как я спасла ребенка от нападения медведя. Но на самом деле это родимое пятно, оно было у меня от рождения. – Внезапно смутившись, я спрятала руку за спину.

– Поздравляю с работой, Ава, – сказала Тиш. – Я думаю, вы поступили правильно.

Наши взгляды встретились, и я вспомнила свое обещание, которое дала Мэтью.

– Да, и я тоже, – было все, что я сказала.

Тиш нахмурилась, взгляд ее устремился куда-то за мою спину. Я оглянулась и увидела Джона МакМахона. Он стоял в дверях и улыбался – точнее, это была уверенная усмешка.

– Что он здесь делает? – спросила у матери Бет, тоже нахмурившись.

– Сейчас узнаем. – Тиш поспешила к нему. Бет деловито пошла за ней.

Я собралась было за ней последовать, чтобы поздороваться с моим новым знакомым, но в этот момент ко мне подошел Мэтью с бокалом вина. Я терялась в толпе и, признаюсь откровенно, алкоголь помогал мне сгладить чувство неловкости.

– У тебя такой вид, будто ты готова выпить еще, – с улыбкой заметил мой муж и протянул мне бокал.

– Я как раз об этом подумала. – Я поднесла бокал к губам и вдохнула отчетливый фруктовый аромат, хотя бы ради того, чтобы заглушить запах соли, проникающий сквозь открытые двери. Из внутреннего дворика доносились голоса, и я страстно желала выйти на воздух, сознавая, что не смогу этого сделать, когда вдали раздается шум прибоя. Полная луна освещала ночное небо, затмевая звезды. Мне захотелось поделиться всей этой красотой с Мэтью.

Подошел Том, муж Тиш, высокий, стройный, с серебристой сединой и непринужденной манерой. Они с Тиш очень подходили друг другу. Том протянул Мэтью пару сигар.

– Только что получил от приятеля из Сент-Бартса. Нельзя же не покурить в праздничный вечер!

– А я и не подозревала, что ты куришь, – с удивлением обернулась я к Мэтью.

– Я курил трубку – глупая затея – еще студентом. Мне казалось, это идет к моей профессии. А сейчас вот только иногда выкуриваю сигару с Томом. Ну, он-то заядлый курильщик и меня старается обратить в такового...

Я удержалась, чтобы не поморщиться. Хотя я могла представить себе Мэтью с трубкой – я видела в шкафу твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, – однако не могла представить его с сигарой.

– Ступайте, – сказала я. – Со мной все будет в порядке.

Мэтью быстро поцеловал меня.

– Я буду по тебе скучать.

Я засмеялась, когда, уводя Мэтью, Том закатил глаза. В открытую дверь я увидела отделанную деревянными панелями библиотеку, где полки с пола до потолка были забиты книгами. Затем дверь за ними закрылась, и я осталась одна в комнате, полной незнакомых людей.

Потягивая вино, я осматривала выразительные архитектурные и интерьерные решения в итальянском стиле. Взгляд отдыхал на дверных арках и расписных плитках. Это был семейный дом, обжитой, с крепко сколоченной, но красивой мебелью. У Тома и Тиш было в общей сложности пятеро детей, включая пасынков и беременную Бет. По размеру обеденного стола и скамей было видно, что все здесь предназначено для многочисленных семейных сборищ.

Я представила себе свое одинокое детство с молчаливыми родителями и любопытной Мими, которой я рассказывала, как провела день, со все более преувеличенными подробностями, в надежде вызвать родительский интерес. В особых случаях приезжали братья с женами, но дом всегда казался каким-то тесным, словно не желал вмещать лишних людей.

Над буфетом висел эскиз старой крепости на болоте. Я подошла поближе. Еще не увидев инициалы АМФ, я поняла, чья это работа.

Я присмотрелась к эскизу, к пестрым стенам форта, к тонко выписанной белой цапле на переднем плане, настороженно вглядывающейся в зрителя. Я видела фотографии форта и знала, как выглядит он сейчас. Но на картине он был изображен до того, как атаки погоды сделали его полуразвалившимся и заброшенным. На короткое мгновение я, казалось, перенеслась в прошлое.

Поднеся бокал к губам, я заметила, что вина в нем почти не осталось. Два выпитых бокала образовали вокруг моей головы счастливую ограду, приглушая цвета и звуки.

– Вам нравится?

Чуть не уронив бокал, я повернулась на голос.

– Джон! Как приятно видеть знакомое лицо! – Я вспомнила выражение лица Тиш, когда она увидела его в дверях. – Я не знала, что вы тоже здесь будете...

– И я не знал. Я не был в списке приглашенных, но я знаю Райанов много лет – их сын Рик и я дружили в школьные годы. Я не думал, что они стали бы возражать против моего присутствия на вечере в вашу честь и Мэтью.

Уж не алкоголь ли придал резкость его словам?

– Я рада, что вы здесь. Я здесь мало кого знаю и, по правде говоря, не очень хорошо чувствую себя в толпе.

Джон смотрел на меня испытующе, в его необычных глазах я видела понимание.

– Вам нравится? – снова спросил он, перенося внимание на рисунок.

– Да, – отвечала я без колебаний. – Художница чрезвычайно талантлива. – Наши взгляды встретились. – Это работа первой жены Мэтью.

Он сделал глоток пива из банки.

– Я знаю. – Проглотить пиво заняло у него какое-то время, словно что-то мешало ему.

– Вы знали ее? – Я покачала головой. – Нет, я просто подумала, что раз вы знаете Мэтью, то вы должны были знать... и ее. – Я не могла заставить себя произнести ее имя.

Он бросил на меня странный взгляд.

– Вы не сказали Мэтью, что встретили меня на пирсе?

Я уставилась в пустой бокал, отчаянно желая выпить еще. Я и сама не знала, почему не рассказала Мэтью о встрече с Джоном. Хотела сначала преодолеть страх воды? Хорошо бы так... Но я не была в этом уверена. Возможно, была и еще причина, почему я умолчала о нашей встрече.

– Я... забыла сказать ему, – неуверенно ответила я, желая, чтобы он ответил на мой вопрос об Адриенне, но робея задать его снова.

– Ава.

К нам подошел Мэтью, неся в руке два бокала. Он стиснул их ножки так крепко, что я боялась, стекло может треснуть. Я улыбнулась мужу, не зная, что делать и что говорить.

– Это мне? – спросила я, поставив пустой бокал и взяв у него из руки другой, полный. – Джон и я говорили об этом рисунке. Красиво, правда?

Воздух между мужчинами как будто сгустился, словно перед грозой.

– Привет, Мэтью, – сухо уронил Джон.

– Джон, – отвечал ему коротким кивком Мэтью. – Я полагаю, ты знаком с моей женой.

– На днях мы встретились с ней на пирсе. Она каталась на велосипеде, а я был на пробежке. Но она тебе ничего не сказала...

В челюсти Мэтью забился пульс, но выражение его не изменилось.

– Нет... Не сказала... – Он поболтал вино в бокале, но пить не стал. – Как поживают твои родители?

Джон приподнял бровь, но взгляд его ожесточился.

– Тяжело. Смерть дочери...

Оба они говорили явно не то, что хотели сказать, и какая-то ясность начала проступать в моем затуманенном алкоголем сознании.

– Ваша сестра... – начала я, не зная, как закончить.

Джон поднял банку пива к рисунку, словно произнося тост.

– Адриенна МакМахон Фразье. Ей достался весь семейный талант.

АМФ. Адриенна МакМахон Фразье. Ну конечно. Я вспомнила холодный блеск в глазах Джона, когда назвала себя в нашу первую встречу... Мэтью смотрел на меня молча. Слова, сказанные мне им на пристани, громко звучали у меня в голове. «Потому что они думают, что я ее убил».

– О, – пробормотала я, не в состоянии ничего больше сказать. Я подняла бокал к губам, но рука у меня дрогнула, и красная жидкость пролилась мне на платье.

Мэтью осторожно взял у меня бокал и поставил на стол.

– Может быть, тебе хватит.

Джон со стуком опустил пивную банку рядом с моим бокалом.

– Любо-дорого посмотреть, как ты заботишься о своей жене, Мэтью. Мне вспоминается, как ты заботился об Адриенне... – Джон посмотрел на меня широко раскрытыми глазами. Взгляд у него был трезвый. – Будьте осторожны, Ава. Он не тот, за кого вы его принимаете.

Он повернулся и пошел к парадной двери. Люди сторонились и избегали смотреть на него и на нас.

– Ты должна была мне сказать, – спокойно заметил Мэтью.

Я смотрела на него, почти ничего не понимая. Я покачала головой. Комната закружилась вокруг меня.

– Нет, это ты должен был мне сказать. – Я не была уверена, что хотела выразить в этих словах. Только то, что я многого о нем не знала и мне было стыдно, что я вступила в брак, в сущности, с незнакомым человеком, потому что полюбила его, пренебрегая всеми остальными причинами, которые я до сих пор отказывалась признать.

Я перешла в большую комнату, на звук голосов. Воздух, врывавшийся в открытую дверь, выманил меня на улицу. Все кружилось вокруг меня, заставляя забыть страх и голос матери. За спиной я слышала шаги Мэтью, такого надежного и реального...

– Я хочу взглянуть ночью на дюны.

Я спустилась по ступенькам и пошла по песчаной дорожке. Дюны в серебристом лунном свете, как воспоминание или сон, мелькнули в моем сознании. Песок скользил под босыми ногами.

– Ава. Подожди.

Сон кончился. От холодного песка и звука шагов у меня пересохло в горле.

– Нет, – выдохнула я, не сознавая больше, кто шел за мной и что ожидало меня впереди. Все, что я сознавала, была потребность бежать, спастись от того, что меня преследовало.

– Ава, – услышала я снова. Но в моем затуманенном сознании ни имя, ни голос уже не идентифицировались. Я бежала, как выбившаяся из сил собака, пока за досками и лестницей передо мной не открылось пространство темного песка и серебрившейся воды. Я смотрела в океан, как будто ожидая увидеть там что-то, разочарованная при виде только лишь пустоты.

Сильные руки опустились на мои плечи.

– Ава, ты не знаешь, что ты делаешь. Остановись.

Я боролась как могла, в равной степени боясь того, что было позади, и того, что лежало передо мной. Но сильные руки заставили меня повернуться, и я узнала прекрасное лицо Мэтью, освещенное лунным светом.

– Мэтью, – пролепетала я, колени у меня ослабели. Я опрокинулась на него, и он поднял меня на руки, прежде чем сесть на деревянную ступеньку.

– Что случилось? Скажи мне, чтобы я мог все поправить. – Он поцеловал меня в лоб.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, но остановилась.

– Не могу, – с трудом проговорила я. – Скажи мне только, что любишь меня.

– Я люблю тебя, Ава. Ты это знаешь.

Я кивнула, но облегчения не испытала, вспомнив расписные плитки в кухне – как будто это были следы его покойной жены, прокладывающей себе дорогу через наш дом и брак.

– Пожалуйста, отвези меня домой.

Он поставил меня на ноги.

– Я посажу тебя в машину, а сам пойду сказать Тиш, что мы уезжаем, потому что ты себя плохо чувствуешь.

Я кивнула и позволила ему отвести себя в машину. Он застегнул на мне ремень безопасности.

– Можешь побыть тут одна минутку?

Я снова кивнула. Мир продолжал кружиться ослепительными волнами. Я следила за уходящим Мэтью, боясь закрыть глаза и снова впасть в панику. И я начала напевать. Оказалось, что это мелодия из музыкальной шкатулки... Я напевала ее, стараясь заглушить слова, звучавшие у меня в мозгу. «Потому что они думают, что я убил ее».

Я запела еще громче, ожидая, пока Мэтью вернется и отвезет меня домой.

Глава 7

Глория

Антиох, Джорджия

Май 2011

Дверца шкафа-купе в старой спальне Авы застряла, и я безуспешно пыталась ее открыть. Годами я вытирала пыль с сувениров ее детства – спортивных трофеев, засохших букетов цветов, кукол с бессмысленными глазами... помню, был еще жезл, с которым она четыре года подряд шагала перед духовым оркестром. Это были вехи в жизни моей дочери, память о событиях, свидетельницей которых я не была. Вехи жизни, которую я имела привилегию разделять, но быть частью которой боялась.

Я наклонилась достать попавшую в щель перед дверцей катушку пленки и выпрямилась. Вот почему дверца не открывалась! В каком-то смысле я понимала увлечение Авы фотографиями других людей, ее наблюдения за чужой жизнью – этим она напоминала мне Алису в кроличьей норе. И потому, что я это понимала, я этому препятствовала. Но как и во всех моих отношениях с ней, чем больше я препятствовала, тем упорнее она стояла на своем.

Я залезла в шкаф глубже и нащупала в дальнем углу несколько вешалок. Золотые блески все еще посверкивали на ее бордовых костюмах для парадов, складки на юбках были по-прежнему безупречно отглажены. Я сама сшила их для Авы, нашивая каждую блеску вручную, несмотря на настойчивое желание Мими мне помочь. Но я все сделала сама – каждый шов, каждая нитка были свидетельствами моей любви к дочери.

Я сняла костюмы с вешалки, аккуратно их сложила и убрала в коробку. Я не имела намерения отсылать их в Сент-Саймонс. Если они понадобятся Аве, пусть приезжает и забирает коробки из кладовой. Я просто хотела освободить комнату, хотя определенных планов на нее у меня еще не было.

– Не забудь эти.

Я обернулась и увидела стоявшую в дверях Мими со старыми фотоальбомами в руках.

Я выпрямилась, автоматически потирая поясницу. Нахмурившись, я смотрела на альбомы.

– Это что такое?

Мими подошла к кровати с розовым покрывалом из шитья и осторожно положила их на край. Подвинуть их дальше помешала нога розового ватного слона.

– Это альбомы с фотографиями Авы, когда она была маленькая. Я думала, она, может быть, захочет их взять.

В глазах у меня защипало, знакомая боль забытого происхождения.

– Я не посылаю ничего Аве, просто убираю вещи. Я никогда не посылала ей альбомов, по той же причине, что и не делала их.

Я с раздражением смотрела на мать. Не обращая на меня внимания, она села на край кровати и раскрыла лежащий сверху альбом.

– Она была таким красивым ребенком...

Не в силах противиться своему нахлынувшему желанию, я встала у Мими за спиной. Она была права. Ава была прекрасным ребенком, с белокурыми волосами и карими глазами с густыми ресницами. Она не утратила своей красоты, как это случается со многими детьми, и до сих пор у меня от нее захватывает дыхание. Эффект ее внешности еще более усиливался, так как она нисколько не придавала значения своей привлекательности.

Ее волосы так никогда и не потемнели, как мы ожидали, и когда она уже была в старших классах, мы поняли, что их цвет так и не изменится. Примерно в это время Мими начала краситься под блондинку, и хотя она ничего не сказала вслух, я знала причину этого. Я была

благодарна, как может быть благодарна только дочь, сознавая, что мать есть продолжение ее, еще одно сердце, с которым можно делить боль.

Я молча стояла за спиной у Мими, листавшей альбом: Ава в ее любимых костюмах в День Всех Святых – все вещи, сшитые мною, – в рождественское утро, в редкие каникулы. Мы никогда не выходили на пляж, хотя мальчики и просили об этом. Было легко использовать в качестве предлога страх Авы перед океаном, но, как и все предлоги в жизни, он только скрывал истинную причину.

– Ты должна послать это Аве. – Красный наманикюренный ноготь ткнул в большую фотографию, занимавшую в альбоме целый лист. Аве там около двух лет. Она в розовом вязаном платье с голубым шелковым поясом. В коридоре висели фотографии Мими в таком же платье в возрасте около двух лет и моя в том же платье двадцатью годами позже. Я не повесила фотографию Авы рядом с ними, хотя там и было свободное место. Ава в конце концов перестала спрашивать меня почему.

– Послать фотографию? – спросила я.

Не глядя на меня, Мими отрицательно покачала головой:

– Нет. Платье. Когда у нее будет своя маленькая девочка.

Я смотрела на цветную фотографию двухлетней Авы, с пышными щечками. Розовое платье придавало блеск ее коже. Я помнила день, когда был сделан тот снимок, как будто это было только вчера. Я достала платье из старого кедрового сундука, свадебный подарок от бабушки Мими. Платье хранилось в папиросной бумаге с того самого дня, когда его надевали на меня. Если бы было можно путешествовать во времени, этот кусочек розовой шерсти был бы следом, оставленным каждым поколением.

– Слишком рано. Она и Мэтью не собираются в ближайшее время обзаводиться детьми.

Мими фыркнула, чего я, к счастью, никогда не умела.

– Ей почти тридцать пять. И я знаю, она хочет иметь детей.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, опасаясь, что уже знаю ответ.

– Когда ты пряталась в своей комнате перед ее отъездом, мы с ней долго говорили. И это был один из предметов нашего разговора.

Я поджала губы, ненавидя себя за это. Когда я так делала, Стивен говорил, что я похожа на чернослиvinу, но я не могла удержаться.

– О чем вы еще говорили?

Мими захлопнула альбом.

– Ни о чем таком, о чем бы ты не хотела, чтобы мы говорили.

Я продела палец в розовое шитье покрывала, которое я позволила Аве выбрать, когда ей было двенадцать лет, хотя я предупреждала ее, что оно ей надоест, когда ей исполнится четырнадцать. Когда она стала постарше, я заметила, как она иногда листает каталоги или заглядывает в витрины, и я ожидала, что она скажет, что я была права. Но она никогда этого не признала. Это было одно из свойств моей дочери: она всегда говорила то, что хотела сказать, и никогда не изменяла своему слову.

– Ты должна отослать ей альбомы.

Я покачала головой:

– Ты же знаешь, что я не могу.

Не обращая внимания на мои слова, Мими продолжала настаивать:

– Ты могла бы отвезти их ей. Это был бы тебе повод для поездки. – Она взглянула на меня в упор. – Каждая женщина иногда нуждается в своей матери. – Я не была уверена, что она все еще имела в виду Аву и меня.

Отвернувшись к шкафу, я достала еще несколько вешалок с вещами.

– Я не могу.

Я стояла спиной к Мими, так что она не видела, что у меня готовы были брызнуть слезы. Как я могла объяснить ей то, что не могла объяснить себе самой? Что я старалась отпустить одно, боясь его потерять, до того, как я поняла, что нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было. Или что после многих лет я наконец разжала руки.

Зазвонил телефон, и я напряглась, как это всегда со мной было, давая ему звонить, пока не подключался автоответчик. Потом я снова начала укладывать вещи моей дочери, как будто этим я стирала самую большую ошибку в своей жизни.

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Май 2011

Я держала телефон около уха, считая звонки, пока на автоответчике не прозвучал голос моего восьмилетнего племянника, сообщивший мне, что бабушка и дедушка не могут подойти к телефону, но они перезвонят мне, как только смогут. Услышав гудок, я нажала на кнопку «выключить». Насколько я помню, мать всегда терпеть не могла телефон, хотя уже в те времена, когда она была подростком, телефон стал неотъемлемой принадлежностью быта. Это было одной из несообразных деталей моего детства – так опавшие листья по отдельности представляются безобидными, пока не покрывают газон целиком.

Я выглянула в парадную дверь, высматривая фургон Тиш. Мое первое посещение Исторического общества оказалось ничем не примечательным, поскольку речь там шла о новой безобразной бетонной ограде дамбы, новом светофоре (явно важная вещь на острове) и новом ресторане. Живя в доме, которому двести лет, я все находила в этом сопоставлении новым и не понимала, в чем, собственно, скрыта проблема. Я благоразумно помалкивала, памятуя, что главная цель моего присутствия на заседании – поиск новых друзей.

Наиболее важным моментом было привлечение меня к участию в проекте по документированию старых могил на известных кладбищах и на тех, которые, как предполагалось, были разбиты на старых плантациях. Быть может, из-за связи моей семьи с кладбищами этот проект меня заинтересовал, и Тиш поручила мне возглавлять его.

Взглянув на часы, я поняла, что у меня есть еще пятнадцать минут, поэтому я оставила дверь полуоткрытой, чтобы слышать, как Тиш подъедет, и встретит ее во дворе. Я хотела сесть в кресло в холле, но взгляд мой случайно упал на шкафчик в гостиной. У меня до сих пор не выпало времени взглянуть на бумаги, которые я достала из рамы с рисунком, и мне не хотелось спрашивать о них Мэтью, пока я сама не разберусь, что там.

Я быстро подошла к шкафчику, выдвинула ящик – и испугалась, не увидев сразу бумаг, потому что они соскользнули в самую глубину, но, пошарив получше рукой, я их нашупала. Листков было три, размером десять на четырнадцать дюймов. Я осторожно вынула скрепки и, положив первый лист лицевой стороной кверху, разгладила его.

Это был еще один набросок дома, но под другим углом, по сравнению с тем, что можно было увидеть в раме. Я заметила, как художница выписала свет на стене дома, напомнивший мне здешние яркие утра, какие я проводила в моем новом жилище. Мне казалось, я слышу птичьи крики над заливом. Кто бы ни нарисовал этот дом, было ясно, что художник знал его во всех подробностях, знал, как падает в окна свет на закате, знал, как дубы в парадном дворе склоняются друг к другу и их ветви переплетаются, даруя дому тень.

Я подержала рисунок в руках, размышляя о том, кто спрятал его – и два другие – в раме. И почему.

Я взяла второй лист и присмотрелась к нему поближе. Это был уже не рисунок, а что-то походившее на поэтические строки. Слова были каллиграфически выписаны темными чернилами, как это сделал бы художник. Заглавные буквы в начале каждой строки были крупнее остальных, каждая строфа аккуратно была выписана по центру.

На бумаге не было нот или чего-то еще, что бы указывало на то, что это текст песни, но когда я начала читать, в ушах у меня зазвучала музыка, слова точно ложились на каждую ноту, как кусочки пазла в предназначенные им места.

Спи, дитя,
Отец твой – рыцарь,
Твоя мать – его любовь,
Океан их разделяет...

Я взглянула на маленький шкаф, где я хранила музыкальную шкатулку, которую дала мне Мими, когда я уезжала, – шкатулку, найденную мной в сезон бурь, покалечивших так много жизней. Словно издалека я наблюдала сама за собой, как я пересекаю комнату, открываю шкатулку, и механизм затрещал как старый сверчок, пока музыка не возродилась к жизни.

Я прослушала мелодию три раза, напевая слова с листа, пока не запомнила их наизусть. Разумеется, я знала эту песенку. Ее пела мне мать. Когда у меня была ветрянка и я не могла спать, она сидела в качалке у моей постели и пела мне ее. Но слова были другие. Там речь шла о любимом ребенке, мирно спавшем в стенах замка. На листе бумаги я читала об отце, отделенном морями от любимой жены и ребенка. Эта песенка предлагала скорее утешение, чем покой, предсказывала потерю, а не поддержку и тепло. Но эти слова я почему-то знала задолго до того, как достала бумаги из рамы...

Лист выпал из моих похолодевших пальцев. Я поколебалась, прежде чем взять в руки третий листок. Мне смутно послышался шум подъехавшей машины, но я не могла остановиться.

Третьим изображением был рисунок пером молодой женщины в полный рост. На ней было длинное платье, вероятно, самого начала девятнадцатого века. Шляпку – капор – она держала в руках, и ветер развеивал его ленты и вздымал ей юбки. Она стояла босая, видимо, на песке, у края воды, подбирающейся к ней сзади. У меня перехватило дыхание, когда, взглянув на рисунок попристальней, я заметила там, на расстоянии, корабль с парусами. Мой взгляд скользил по ее лицу – волосы падали ей на лоб, большие миндалевидные глаза и высокие скулы были изящны, однако тонкий носик был слишком вздернут, чтобы она могла считаться красавицей. Но в целом это было, несомненно, лицо, привлекающее внимание. Я вглядывалась и вглядывалась в рисунок. В глазах женщины было что-то немое, но в то же время говорящее. Что-то говорившее о любви, потере и покорности судьбе. Но было и еще что-то, даже помимо вопроса, который она, казалось, хотела задать. Запах пепла щекотал мне горло. «Я тебя знаю». Эти слова всплыли у меня в мозгу вместе с уверенностью, с какой ощущаешь боль или голод.

– Ава?

Обернувшись, я обнаружила в дверях Тиш. Она смотрела на меня озабоченно. Рисунок выскользнул из моей руки на пол, и я быстро опустилась на софу.

Она нагнулась и подняла рисунок.

– У вас в лице ни кровинки, а на лбу капли пота. Вы здоровы? Хотите, я позову Мэтью?

Я покачала головой:

– Он на работе. Со мной все в порядке. Только... – Я показала на рисунок, который она держала в руках, надеясь, что, взглянув на него, она все поймет, так что мне не придется объяснять то, что я в любом случае объяснить не могла.

Тиш села рядом со мной на софу и внимательно поизучала рисунок минуту-другую, прежде чем откинуться на подушки.

– Так вы их нашли... А я о них совсем забыла.

Я удивленно на нее взглянула.

– Разве вы о них знали?

– Случайно. Я была в Брунсвике. Там есть мастерская, и я увидела там Адриенну, она заказывала рамку и держала в руках эти листки, объясняя мастеру, чего она хочет. Разговора у нас не получилось – она дала мне понять, что не хочет сейчас разговаривать.

Тиш отвернулась, осторожно постукивая пальцами по картону, как будто ей не хотелось продолжать объяснения. Но потом она снова повернулась ко мне:

– Неделю спустя она умерла, и я об этих рисунках и раме совсем забыла...

Я кивнула, ничего не понимая.

– Я нашла их случайно. Хотела посмотреть рисунок поближе, сняла его, а потом, вешая раму на место, порвала заднюю часть бумаги.

Она держала рисунок на коленях, поглядывая на него.

– Это не похоже на обычные ее работы, но это определенно ее стиль. И ее подпись. – Тиш указала на инициалы в правом нижнем углу.

– Она мне кажется знакомой, но я не знаю почему, – сказала я. – Вы знаете, кто бы это мог быть?

Тиш покачала головой.

– Нет. Но мне она тоже кажется знакомой. Как будто я уже видела где-то ее изображение. Может быть, в книжке?

Я отвернулась. Мне было не по себе. Как мы могли быть знакомы? И почему я ничего не могу больше вспомнить об этом?

– Там еще есть рисунок дома – под другим углом, чем на картине, – и текст песенки. Я не могу понять, зачем их понадобилось прятать. Слова песенки мне знакомы – я думаю, я слышала их раньше, на ту же мелодию, что и колыбельная, что пела мне моя мать, «Спи, дитя».

Тиш наморщила брови:

– Я и не знала, что существуют разные тексты...

Я взяла листок со словами и протянула его Тиш, наблюдая, как она читает про себя строчки, отбивая такт на колене.

– Они подходят, это точно.

– Я знаю. – Я взяла рисунок дома и показала его Тиш. – А вот и третий.

Она нахмурилась:

– Почему она их прятала? Вы показывали их Мэтью?

Я отрицательно мотнула головой:

– Я не хотела, чтобы он подумал, что я порвала бумагу нарочно.

Тиш очень медленно вернула мне все бумаги.

– Вы на самом деле совсем его не знаете?

– Что вы хотите сказать? – возмутилась я. – Он мой муж, я знаю его достаточно, чтобы выйти за него замуж.

Она протянула ко мне руку, и когда я отстранилась, она ее опустила.

– Я знаю – но я не это имела в виду. Иногда людям не нужно знать друг друга долго, чтобы убедиться, что они нашли близкого человека. Я знаю, так было с вами и Мэтью – я вижу это, когда вы вместе. Но я знаю Мэтью с детства. Мы здесь называем его «старичком». Как будто он от рождения уже знал, что ему нужно, и, заполучив это, не выпускал.

– Как Адриенну? – слова сорвались у меня, прежде чем я успела их удержать.

Тиш встала.

– Я не тот человек, с кем вам следует вести такой разговор, Ава.

Избегая ее взгляда, я положила бумаги обратно в ящик, пообещав себе поговорить о них с Мэтью, когда он вернется.

– Спасибо, Тиш. И если я еще не сделала это должным образом, благодарю вас за вечеринку. Извините, что нам пришлось рано уехать.

Повесив сумку через плечо, Тиш направилась к двери.

– Единственный, кому следует извиниться, это Джон. Он хороший человек, но просто он в таком состоянии... Я надеюсь, вы понимаете.

Я взяла свою сумку и, выйдя вслед за ней, заперла дверь.

– Почему Джон и его родители думают, что Мэтью имел какое-то отношение к ее смерти? Ведь это же был несчастный случай.

Она обернулась ко мне:

– Я думала, вы знаете.

Я хотела вернуться в дом, хотела удержаться от другого вопроса. Но я осталась стоять на месте.

– Знаю... что?

– Это произошло ночью. Она ехала на север по Семнадцатому шоссе в Южной Каролине, и ее семья считает, что единственной причиной этого было то, что она от чего-то убежала. Они страдали и доискивались причин. Неизвестно почему машина свернула с дороги на мосту и упала в болото.

– От чего она умерла? – Я еле выговорила эти слова.

– Она утонула.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на своем дыхании, чтобы не забывать наполнять воздухом легкие. Шаги приблизились ко мне, и Тиш обняла меня рукой за плечи.

– С вами все в порядке?

Все было не в порядке, но я утвердительно кивнула.

– Сейчас все пройдет. Это просто шок.

«Она утонула».

– У вас плохой вид. Послушайте, нам нет необходимости ехать на кладбище именно сегодня. Наш проект рассчитан на недели, так что не имеет значения, начнем мы сегодня или завтра. В магазине у меня есть помощники, а вы приступаете к работе только через неделю. Так что мы можем поехать в другой раз.

Я покачала головой:

– Нет. Со мной все в порядке. Поедем. Пожалуйста. – Мне хотелось отключиться от моих мыслей, пусть даже изучая старые могилы. Все, что угодно, только не образ первой жены Мэтью в машине под водой.

Тиш неохотно отпустила меня, и я пошла за ней к машине, нетвердо держась на ногах, как будто земля у меня под ногами превратилась в воду, и у меня не было другого выбора, как только позволить ей поглотить себя.

Глава 8

Памела

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Декабрь 1806

Под визг из свинарника мы с Ледой и Джеммой крутились в кухне. Я помешивала в горшке растапливаемый свиной жир для приготовления лярда. Жар очага истомил нас, пот струился по нашим лицам, несмотря на уличный холод. Мы шурились сквозь пар, стараясь думать не о забое свиней, а о беконе и ветчине, которых хватит нам на зиму. На огне жарился картофель, в то время как Леда развешивала для сушки свиную кожу. От щетины для щеток до внутренностей для свиных рубцов, все от пяточка до хвоста должно было так или иначе использоваться. Я на опыте узнала, что тратить что-либо зря значит обходиться без чего-то нужного. Мне было стыдно при воспоминании, как за обедом у бабушки в Саванне я отталкивала тарелку с недоеденной едой.

Я повернулась сказать что-то Джемме, и тут мой разбухший живот опоясала острая боль. Маленькая рука расправила на мне ткань передника, как будто стараясь утишить боль. Я взглянула на смотревшую на меня снизу вверх Джемму, все еще молчаливую, все еще обезображенную шрамом, но уже во многом излеченную. Ее глухие рыдания, длившиеся месяцами, настолько затихли, что Леда стала пускать ее в кухню, где на девочке отражался свет ее улыбки. Я подумала, что они нашли друг в друге мать и дочь, в которых они нуждались. И хотя между ними сложилась прочная связь, когда я была поблизости, Джемма цеплялась за мою юбку в безмолвном обожании.

– Спасибо, Джемма. Это еще только первая схватка. У нас еще много времени. – Я могла лишь надеяться, что это было так. Нам еще многое нужно было сделать.

Закрыв здоровый глаз, Джемма сосредоточенно нахмурилась и начала медленно проводить рукой по моему животу, определяя очертания ребенка. Я не знала, сколько она почерпнула из материнских наставлений и какова была у нее доля интуиции. Как бы то ни было, она скоро стала для меня бесценной помощницей, всегда зная, когда было время тужиться и когда отдыхать. И каким матерям нужно было строго приказывать, а каких только утешать.

Я высунула голову в открытую дверь, испытывая потребность наполнить легкие свежим воздухом. Мне нужно было найти Джеффри и дать ему знать, что время пришло. В феврале мы потеряли мертворожденного мальчика, такого крошечного, что он даже не был похож на человека. Он родился в ночной горшок, и Джемма достала его и приготовила для погребения рядом с его братом Джейми. У меня было сильное кровотечение, и Леда уже сказала Джеффри, что он должен быть готов со мной расстаться. Он от меня не отходил, держа меня за руку, словно желая передать мне свои жизненные силы. И это ему удалось.

Он едва мог выносить вид моего живота, как только подтвердилась моя беременность. Я ежедневно молилась, чтобы мое тело не предало меня, чтобы я родила здорового ребенка, чтобы успокоить его страхи. Но для нас обоих боязнь разлуки всегда была ощутимой, комком льда, устраивавшийся под одеялом по ночам и за столом с нами по утрам.

Похлопав Джемму по плечу, я вышла на холодный декабрьский воздух, потирая руки выше локтей, чтобы согреться. Я искала глазами Джеффри, его высокую широкоплечую фигуру всегда можно было отличить в толпе работников и соседей, приходивших к нам на помощь, как это делали и мы на их фермах. Но вместо Джеффри я заметила Натэниела Смита. Я не видела его с тех пор, как приняла здоровых мальчиков, родившихся у его работников прошлой осенью, вскоре после того, как Джемма поселилась у нас. Но я не удивилась, увидев его сегодня. На небе тяжело нависли серые тучи, готовые разродиться дождем, и мы

боялись, что при таком холоде дождь может легко превратиться в снег. Джеффри хотел зарезать свиней и повесить мясо в коптильне до того, как упадет первая снежинка.

Я наклонила голову в знак приветствия, и только потом заметила, что он смотрит не на меня. Я оглянулась и увидела Джорджину, медленно идущую из дома по направлению к кухне. Она была одета как для церкви, и я поняла, что помощи от нее в кухне не будет. После смерти прошлым летом нашего отца она поселилась у нас с Джеффри, в спальне напротив нашей, которая когда-то была детской Джейми. Она выглядела прелестно, щеки ее порозовели от холода, зеленый капюшон оттенял глаза. Я с удивлением заметила на ней красные кожаные перчатки, в прошлом месяце подаренные мне Джеффри на день рождения. Они попались ему в Саванне, и хотя мы едва сводили концы с концами, купил их, потому что это был мой любимый цвет.

Ребенок снова шевельнулся во мне, и новая боль опоясала меня, словно в мои внутренности врезались осколки разбитого стекла. Я едва успела схватиться за перила, стараясь удержаться на ногах. Я услышала крик Джорджины, а потом меня подхватили сильные руки, и я уткнулась лицом в жесткую шерсть мужского плаща.

– Джеффри? – воскликнула я в тумане боли.

Мне ответил чужой голос.

– Это Натэниел. Джеффри поехал на ферму к Синклерам за помощью, спешил успеть, пока погода не испортилась. Скажите мне, куда вас отнести, а потом я съезжу за ним.

– Спасибо, – прошептала я, стараясь перевести дух между приливами мучительной боли.

– У нас специально приготовлена комната за гостиной, – услышала я слова Джорджины, а потом я закрыла глаза и стала молиться, чтобы Бог лишил меня сознания, освободив от боли.

Снова открыв глаза, я оказалась в постели в маленькой комнатке, которую мы с Джеммой приготовили для этого момента. Я старалась не думать, что роды наступили на три недели раньше срока, что боль у меня постоянная, а не приливами. Я этого не вынесу, если все будет продолжаться так долго, как это было у меня с Джейми. Мне был нужен Джеффри, и я звала его снова и снова.

– Я схожу за ним. – Рука Джорджины коснулась моего лба, и я почувствовала, как скользнули по моей коже красные перчатки.

– Нет. – Это был голос Натэниела, и даже я в моем состоянии узнала голос, не допускавший неповиновения. – Я привезу Джеффри.

Я впервые заглянула ему в глаза и увидела, что они у него цвета океана в бурю, серые с синим. Это были добрые, озабоченные глаза, и я вспомнила его молоденькую хрупкую жену, привезенную им из Бостона и прожившую на Сент-Саймонсе только два лета до того, как она умерла родами. Говорили, что его друзья опасались за него, когда он бродил по берегу в бурю, как будто ожидая, что судьба вмешается и заберет его к ней. Он стиснул мне руку, и я поняла, что могу доверять этому человеку, потому что он умеет любить.

Он повернулся к Джорджине:

– Оставайтесь здесь и ухаживайте за сестрой. Но сначала пришлите сюда Джемму. – Сапоги его тяжело бухали, когда он выходил из комнаты.

– Джемма, – позвала я, но мой голос прервал вопль, исторгшийся из меня. Я потянулась к сестре, спокойно сидевшей в кресле.

– Найди Джемму, – прошептала я.

Она медленно, палец за пальцем, стянула перчатки.

– Сейчас. Но сначала я хочу убедиться, что тебе удобно. Снять с тебя юбки? Или дать тебе воды?

Я металась на подушке. Боль ослепляла меня.

– Джемма! – прохрипела я. И тут услышала, как дверь распахнулась. Почувствовав на себе ее маленькие уверенные руки, я поняла, что все будет хорошо.

Я погрузилась в бессознательное состояние с такой же легкостью, с какой пеликан погружается в океанские волны. Но я заставила себя открыть глаза, когда почувствовала у себя на лице теплое дыхание Джеммы и ее руки на своих плечах. Так она всегда давала мне знать, когда хотела мне что-то сказать, и я с трудом прислушалась.

Ее здоровый глаз встревоженно мигал, пот каплями струился по ее лицу. За ее спиной стояла бледная Джорджина с кувшином воды. Ее волосы красивыми локонами рассыпались у нее по плечам.

Я могла видеть руки Джеммы, они были расставлены, как будто она держала дыню.

– Ребенок идет неправильно? – выдохнула я в отчаянии. Я вспомнила опоясавшую меня боль, когда я выходила из кухни, и подумала, что так бывает, когда ребенок повернется, в одно роковое мгновение, связав наши судьбы.

Я хотела сказать, чтобы Джемма не беспокоилась. Поскольку воды у меня еще не отошли, у меня еще был шанс сохранить ребенка, доносить его еще три недели, надеяться и молиться, чтобы он шевельнулся снова. Но прежде чем я успела открыть рот, Джорджина приложила мне к губам мокрую тряпку, чтобы смочить их. И в то же самое время я почувствовала тонкую струйку жидкости у себя между ног.

Отчаяние поглотило меня, затмив мне зрение, темной тенью вытеснив свет дня. Как будто увидев ту же тень, Джемма отстранила Джорджину и, обхватив мое лицо маленькими ручками, сильно нажала. Я встретилась с ней глазами, и странное спокойствие овладело мной. Она смогла повернуть ребенка. Я сама показывала ей, как это делается, как, не обращая внимания на вопли матери, нащупав плечики и головку ребенка, сделать то, что не удалось матери-природе. А если я смогла выдержать боль, я смогу и выжить.

Дверь распахнулась, и вбежал Джеффри, пахнувший мокрой шерстью, к которой, как звезды, прилипли снежинки. Я протянула к нему руки, и он поцеловал меня, но я успела увидеть ужас в его глазах.

Его голубые глаза потемнели и казались почти черными от страшной тревоги. Меня снова пронизала боль, и я вскрикнула. Джеффри содрогнулся. Он опустил голову на матрас рядом со мной, сжимая мне руку.

– Не покидай меня, Памела. Мне нет жизни без тебя.

Я нашла в себе силы коснуться рукой его щеки. Золотой обруч ярко блестел на бледной коже.

– Навсегда, ты же помнишь?

Он поднял глаза.

– Возвращайся ко мне. Что бы ни случилось, возвращайся ко мне. Обещай.

Я задохнулась от новой волны боли.

– Джеффри, пойдем. – Я не видела Натэниела, пока он не заговорил и не положил руку на плечо Джеффри.

Джеффри поцеловал меня в щеку возле уха.

– Обещай мне.

– Я обещаю, – прошептала я.

Я услышала, как он вышел, и снова отдалась боли, уверенным рукам Джеммы и тяжести мокрой тряпки, которую Джорджина прижимала мне к губам, словно стараясь лишить меня последнего дыхания.

Ава

Сент-Саймонс-Айленд, Джорджия

Май 2011

С тех пор как я переселилась в Сент-Саймонсе, я несколько раз проезжала на машине или на велосипеде мимо кладбища, но никогда туда не заходила. Я останавливалась на другой стороне улицы напротив главных ворот и смотрела на церковь в стиле королевы Анны. Она была построена в форме креста с готической крышей. Территорию вокруг украшали яркие цветы и старые дубы, перемежавшиеся с серыми и белыми надгробиями и мавзолеями. Но внутрь я не заходила, сама не зная почему. Я не боялась кладбищ, они составляли часть моего детства. Меня удерживал совсем не страх, а скорее ожидание открытия – открытия чего-то, что я не была уверена, мне хотелось увидеть.

Тиш припарковала машину там, где я обычно останавливалась со своим велосипедом. Достав с заднего сиденья два блокнота и коробку карандашей, мы вышли из машины и пересекли двухполосную улицу. Было еще рано, и кладбище выглядело одиноко, но это не означало, что там было пусто. Тяжесть лет висела в воздухе как испанский мох, минувшие события протекали перед моим внутренним взором.

– Здесь красиво, правда? – спросила шедшая впереди Тиш, когда, войдя в ворота, мы шли к церкви по вымощенной кирпичом дорожке.

– Да. И какое огромное кладбище. Я не ожидала, что оно такое большое. Здесь можно заблудиться.

– Такое случалось. Островитян здесь хоронят уже больше двухсот лет. Здесь лежит много знаменитых людей.

Я кивнула, слушая не очень внимательно и рассматривая массивные деревья вокруг нас.

– Этим дубам, наверно, миллион лет, – сказала я, вскидывая голову.

– Не совсем, – засмеялась Тиш. – Есть такая старая поговорка, что дубы сто лет растут, сто лет живут и сто лет умирают. Судя по старым фотографиям и зарисовкам церкви, эксперты говорят, что этим деревьям – за двести. Они многое видели.

Она шла дальше, а я остановилась, любуясь дубами и вспоминая вырезанный на дереве дух утонувшего моряка. Я подумала, не потемнели ли стволы дубов, пропитавшись за двести лет печалью этого места.

Тиш ждала меня у треугольного портика.

– Вы должны заглянуть внутрь, прежде чем мы пойдем по кладбищу. Церковь очаровательна.

Она открыла одну из белых двойных дверей, и мы вошли. Внутри пахло цветами и царил тишина. Интерьер был отделан темным деревом. Несмотря на полумрак, маленькие витражи над алтарем и большой у входа, изображавший библейскую сцену, пропускали солнечный свет, преобразуя стены и скамьи в цветной калейдоскоп.

– Хотя службы здесь начались еще в середине восемнадцатого века, приход образовался только в тысяча восемьсот седьмом году, – сказала Тиш приглушенным голосом.

Я осматривала викторианскую архитектуру, вспоминая готическую крышу.

– Церковь не кажется такой старой, – сказала я и, заметив укоризненный взгляд Тиш, поняла, что забыла понизить голос.

– Здание было построено в тысяча восемьсот двадцатом году. К сожалению, янки уничтожили его во время Гражданской войны и осквернили кладбище, пока были здесь. – Она нахмурилась, и глаза ее сузились. Это заставило меня воспринять событие как сравнительно недавнее и ее реакцию – как личное оскорбление святотатством солдат.

Я выгнула шею, чтобы увидеть высокий потолок и полюбоваться витражами.

– Когда ее перестроили?

Тиш самодовольно улыбнулась, напоминая мне учительницу математики, кем она какое-то время была.

– За перестройку заплатил Энсон Додж в восьмидесятые годы девятнадцатого века в память своей покойной жены. Она похоронена под алтарем. – Тиш кивнула в направлении алтаря. – Конечно, церковь сравнительно новая, в отличие от кладбища. Самая старая могила, которую мы здесь нашли, от тысяча восемьсот третьего года.

Я ненадолго закрыла глаза, ощущая мир этого святого места и тепло солнца, осветившего мое лицо радугой красок. Если бы я могла выбрать место, где бы я желала быть похороненной, то это на здешнем кладбище, под сенью этой безмятежной колокольни. Повернувшись к Тиш, я сказала:

– Похоже, здесь нам нужно будет документировать множество могил.

– Кладбище уже довольно хорошо документировано. Наша задача будет в основном записывать семейные фамилии, так что если мы найдем где-то на другом кладбище на острове те же фамилии, легче будет провести сверку. К счастью, некоторые захоронения со старых кладбищ на плантациях были перенесены сюда. Но боюсь, что многие еще там остаются.

– А кто-нибудь еще занимался поисками?

– Конечно, и было найдено много опознанных и неопознанных могил. Но я думаю, найдутся и еще многие. Я высказала предложение, чтобы, если мне удастся найти какие-то доказательства существования еще необнаруженных кладбищ, Институт археологии Джорджии предоставит нам новое оборудование для их обследования. Что-то вроде переносных рентгеновских аппаратов, как я понимаю. – Она пожала плечами. – Мне не нужно знать, по какому принципу они действуют – только как с ними работать.

Она сделала мне знак следовать за собой и направилась к двери.

– Примерно год назад один исследователь Гражданской войны с металлоискателем обнаружил останки солдат-северян на Фолли-Бич, это мне и подало идею. Я думаю, земля таит еще много секретов, и нужна только еще одна решительная женщина – или две, – она указала на меня движением подбородка, – чтобы их обнаружить.

Мы прошли между деревянными скамьями с аккуратно уложенными в мешочки на спинках текстами гимнов. Красный ковер заглушал наши шаги. Я шла медленно, прислушиваясь к звукам, которые, мне казалось, я могла иногда услышать за шумом повседневной жизни, но в этой церкви было тихо. Однако покой мой был скоро нарушен, когда я поняла, что Тиш ведет нас тем же путем, каким мы пришли, обратно на кладбище, где яркий солнечный свет выбирал себе места, освещая только то, что хотел.

Тиш вручила мне блокнот и достала из коробки карандаш.

– Вот, возьмите. Я думаю, если вы пойдете по этой стороне, а я начну с противоположной, мы встретимся посередине как раз ко времени ланча. И отмечайте, если обнаружите что-то слишком стершееся, чтобы его прочитать. Мы вернемся сюда с бумагой и мелками, посмотреть, не удастся ли нам прочитать это таким образом.

Я оглянулась вокруг, глядя на извивающиеся тропинки, на то, как они то изгибались, то распрямлялись, а потом, казалось, вообще исчезали, и на заросли деревьев и кустарников.

– Если вы заблудитесь, у вас есть мой телефон. Позвоните или крикните, я буду неподалеку, – сказала Тиш, как будто прочитав мои мысли.

– Конечно, – сказала я, наблюдая за тем, как пожилой человек в сандалиях и носках с большой камерой на шее вошел в главные ворота с женщиной в зеленых брюках и белых кедах. Они медленно шли в моем направлении, и я почувствовала странное облегчение, что буду не одна среди мертвецов. Я не верила в привидения, но было в этом пропитанном ароматом воздухе что-то такое, что мне казалось, если бы я быстро повернула голову, то я бы это увидела.

Тиш, помахав мне, ушла. Достав карандаш, я написала в блокноте «страница 1» и подчеркнула тремя чертами, прежде чем наклониться над первой группой надгробий и начать

читать. Я голыми руками счищала плесень и лишайники с вросших в землю плит в тени деревьев, пока у меня не заболела спина. Пальцы и лицо у меня перепачкались. Могилы маленьких детей и молодых людей, чьи захоронения были украшены флажками, вызывали у меня слезы. Они родились на острове, но умерли далеко от этих мест на полях сражений в Пенсильвании и Виргинии. Некоторым было немногим больше шестнадцати.

Я снова и снова записывала одни и те же фамилии: Куперы, Кинги, Батлеры, Гамильтоны, Уилли – это были фамилии, а иногда и полные имена. Когда-то они доминировали на острове, поэтому было естественно, что они между собой переженились. Записывая имена и даты, я воображала себе их семейные связи в виде переплетенных длинных ветвей дерева, так что трудно было определить, где начиналась одна и заканчивалась другая.

Пот попал мне в глаза. Я выпрямилась, растирая плечи. Мои сандалии и ноги стали коричневыми. Хотя перед церковью ярко зеленела трава, большая часть кладбища была покрыта смесью песка и грязи и перегнившими дубовыми листьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.